

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

ПРИНЦИП ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

Ольга Володарская

Принцип перевоплощения

«ЭКСМО»

2009

Володарская О. Г.

Принцип перевоплощения / О. Г. Володарская — «Эксмо», 2009

От долгожданной встречи с загадочным поклонником Кэт отделяло всего двенадцать ступеней. Двенадцать ступеней, двенадцать шагов, двенадцать ударов отбивающих полночь часов... Когда они замолчали, Кэт шагнула на порог спальни и увидела ЕГО – красивого, стройного и... мертвого! Он лежал в кровати с разможенной головой и уже никак не мог исполнить своего обещания подарить ей волшебную ночь, а потом и волшебную жизнь... Так думала Кэт, но она ошибалась – тот, кто ей это обещал, оказался жив. Но он был некрасив, а уродлив и походил не на мужчину мечты, а на чудовище, каких красавицы любят только в сказках. Любят или губят! Кэт не хотела ни того, ни другого, но... Когда полюбила, поняла, что может и погубить. И теперь она должна не только спасти от смерти его, мужчину своей мечты, но и остаться в живых сама...

© Володарская О. Г., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Пролог	5
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Часть 2	36
Глава 1	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ольга Володарская

Принцип перевоплощения

Пролог

Кэт осторожно толкнула дверь и вошла в полутемный холл. Помещение озарял лишь приглушенный свет настенного бра, но все равно она смогла рассмотреть у подножия лестницы выложенное лепестками роз слово: «Жду». Кэт счастливо выдохнула. Мужчина ее мечты ждет ее наверху, и до встречи с ним остались считанные мгновения...

Когда Кэт ступила на лестницу, часы начали бить полночь. Двенадцать ударов. Двенадцать ступенек. Бом – шаг. Бом – второй. Бом – третий... Она шагала, часы били, а сердце колотилось в такт! Спасибо часам, которые задавали ему ритм, иначе оно зашло бы от волнения...

Занеся ногу для финального шага, Кэт замерла. На последней ступеньке теми же лепестками (они алели на белом мраморе пола подобно крупным каплям крови, – немного пугающе, но завораживающе красиво!) было выложено: «Люблю». Наступить на это волшебное слово Кэт не могла, поэтому аккуратно обошла его и двинулась к распахнутой двери спальни, как раз туда, где ее ждали и откуда сейчас лилась дивная музыка Вивальди... Да, мужчина ее мечты знал, что она любит этого композитора, хотя Кэт никогда ему об этом не говорила...

Она вообще ничего ему не говорила о своих пристрастиях, он все знал сам!

Кэт вошла в спальню, огляделась. Света тут было даже меньше, чем в холле, но белоснежные простыни на огромной круглой кровати сразу притягивали взгляд. Кэт увидела и кровать, и мужчину на ней. Обнаженный, он лежал в самом центре круга, вольготно разбросав руки. Вокруг его темноволосой головы были раскиданы алые лепестки роз. Кэт присмотрелась к ним, пытаясь прочесть слово, в которое они складывались, но не смогла. Видимо, мужчина ее мечты просто хаотично разбросал лепестки, чтобы украсить ложе их первой любовной страсти – будто знал, как она обожает розы, алый цвет, тонкий запах цветов и нежный, неспешный секс... Под музыку Вивальди!

Шагнув к кровати, Кэт сбросила с себя платье на тонких бретельках. Оно соскользнуло вниз, упав на ворсистый ковер. Кэт перешагнула через него и, обнаженная, подошла к изножью кровати. Она ждала, что мужчина ее мечты протянет к ней руку, но он не шелохнулся...

«Уснул, бедняжка», – с нежностью подумала Кэт и легла на кровать, чтобы разбудить его поцелуем. Она приблизила свое лицо к его, разомкнула губы, склонилась над ним, но тут же отпрянула, наткнувшись взглядом на его широко распахнутые остекленевшие глаза. Мужчина ее мечты не спал! Он был мертв...

А то, что она приняла за лепестки, оказалось кровавыми пятнами!

Кэт сползла с кровати и стала пятиться к двери. Двигалась она медленно, как загнипнотизированная. Спотыкалась о свои туфли и платье, но так и не догадалась обуться и одеться. Обнаженная Кэт вывалилась за дверь и, шатаясь, побежала к лестнице – по нежным розовым лепесткам, по слову «люблю», так старательно выложенному руками мужчины ее мечты...

Двенадцать ступеней, двенадцать шагов. Надпись «жду» разлетелась по белому мрамору пола кровавыми лепестками!

Кэт подскочила к входной двери. Схватившись за золоченую ручку, рванула ее на себя. Дверь не поддавалась! Она оказалась запертой, хотя Кэт точно помнила, что оставила ее приоткрытой. Сквозняк захлопнул? Все может быть...

Рыдая в голос, Кэт заметалась по холлу, не зная, куда бежать, где найти выход. Ведь должен же быть тут еще один выход, черт возьми?

Рванув через холл в ту сторону, где, по ее мнению, находилась кухня, Кэт налетела на изящный круглый столик. Столик рухнул ей под ноги. Кэт, не удержав равновесия, повалилась на пол вслед за ним. Падая, она ударилась затылком о ножку дивана. Перед глазами тут же потемнело, сознание заволокло туманом. Кэт стала проваливаться в вязкую бездну беспамятства, но перед тем, как окунуться в нее с головой, услышала далекий, но явственно различимый звук милицейской сирены.

Часть 1

Глава 1

– Еще раз повторите фамилию, – устало сказал следователь и с тяжким вздохом потер воспаленные глаза.

– Сокова Катерина Львовна, – повторила Кэт, пытаясь унять дрожь во всем теле.

– Та самая?

– Та самая, – подтвердила она, имея в виду, что она не кто иная, как Катерина Сокова – звезда нашумевшего фильма «Взгляд из бездны» и рейтингового сериала «Любовь по бартеру».

– Как же вас так угораздило? – не без сочувствия поинтересовался мент.

– Что значит «угораздило»? – вспылила Кэт.

Следователь от ее громкого возгласа страдальчески поморщился, но следующую реплику подал в привычном нейтральном тоне:

– За что вы убили гражданина Серова Игоря Сергеевича?

– Кого? – тупо переспросила она.

– Мужчину вашей мечты... – Он хмыкнул. – Вы ж твердили, когда вас привели в чувство, что это мужчина вашей мечты... Так?

– Наверное... – Кэт шумно выдохнула. Она очень плохо сейчас соображала. – Его звали Игорем?

– Этот дом принадлежит Игорю Сергеевичу Серову, а коль вы прибыли в гости к его хозяину, то покойный носит именно эту фамилию. А вы что, не знали, как зовут мужчину вашей мечты?

– Нет. Мы ни разу не встречались.

– Как так?

– В смысле, я видела его несколько раз... Он часто дарил мне цветы, сувениры, передавал записки, писал смс-сообщения, а вчера впервые позвонил, но мы... Мы ни разу не общались вживую. Только встречались глазами, когда он мне преподносил подарки. И не знакомились. Сегодня у нас должно было состояться первой свидание...

– И вы сразу голой на него пришли? – не сдержался следователь.

– Пришла я одетой, – поморщилась Кэт, глубже запахивая на груди длинный банный халат, накинутый ей на плечи кем-то из оперов. – Вы же видели платье у кровати...

– А еще мы видели вашу сумку! В ней был футляр от какого-то дорогого украшения, а в нем записка «Моей богине от И.С.»...

– Да, то был футляр от этого... – Она коснулась пальцами жемчужного кольца, обхватывающего ее шею. – Он подарил мне его сегодня вечером...

– Он – это Игорь Серов?

– Да, да, да! – вновь вышла из себя Кэт, но тут же взяла себя в руки и более спокойно пояснила: – Только я не знала тогда ни имени, ни фамилии дарителя, понимаете?

– Нет, – отрезал следователь.

Кэт закатила глаза. Ей ужасно не хотелось вдаваться в подробности своей личной жизни, но другого не оставалось, поэтому она стала растолковывать:

– У нас, артистов, есть поклонники. Они преподносят нам подарки. Чаще цветы, открытки, но иногда...

Да, иногда дарили не только цветы и открытки! Вернее, пытались преподнести украшения, шубы, машины и прочие баснословно дорогие вещи, но Кэт обычно ничего из этого не

принимала. Не то, чтобы была такой уж гордой и неприступной, просто сильно хотелось ей обладать всем тем, чем ее пытались одарить. Кэт в отличие от других актрис не питала слабости к роскоши, и гламурной быть не стремилась. Посему без бриллиантовых диадем могла спокойно обойтись. Как и без «Бентли». А шубу она себе сама в состоянии купить. Кэт считала, что лучше самой потратиться, чем терпеть домогательства дарителей. Вот и отклоняла все попытки себя осчастливить. Отклоняла до тех пор, пока в ее жизни не появился мужчина мечты...

Это произошло неожиданно. Кэт возвращалась с остальными членами съемочной группы из Крыма («натуру» снимали в Ялте). Уставшая, села в машину, когда к ней подлетел паренек и вручил огромный, невероятно огромный, букет алых роз. Кэт дома не поленилась, подсчитала, их оказалось пятьсот. Они, эти розы, потом стояли неделю, а когда завяли, ей подали еще один букет. А затем еще и еще. Когда квартира Кэт пропиталась ароматом роз и от него у нее начались головные боли, на смену букетам пришли милые безделушки. Не банальные плюшевые игрушки, а статуэтки, шкатулочки, брелочки, книжицы – вещи не дешевые, но и не настолько дорогие, чтобы, принимая их, чувствовать себя обязанной.

А через месяц Кэт увидела его впервые. В аэропорту к ней подошел сказочно красивый молодой мужчина и вручил перевязанную серебристой лентой коробочку. Он ничего ей не сказал, но посмотрел с таким обожанием, руки коснулся так нежно, что Кэт поняла – это не просто посыльный, это ОН, ее загадочный поклонник! Когда она раскрыла коробку, то не обнаружила внутри ничего, кроме записки. В ней были такие слова: «В полночь на балконе».

Ровно в двенадцать она вышла на балкон своего гостиничного номера. Она не знала, чего ждать, но предполагала, что мужчина ее мечты (она называла его про себя только так) окажется на соседнем, и они наконец познакомятся... Однако Кэт ошиблась. Никто на балконе смежного номера не появился, зато в небе вдруг вспыхнули тысячи огней и сложились в огромное пылающее сердце. Чуть позже на ее сотовый телефон пришло сообщение такого содержания: «Богиня моя, я сейчас далеко, на другом конце света, но сердце мое всегда с тобой!».

С тех пор он стал часто писать Кэт. Однако она не могла ему ответить, так как номер был закрытым. Кэт это, естественно, не устраивало. Как и то, что ОН все еще держался на расстоянии, не делая ни одной попытки сблизиться, перейти на новый уровень отношений. Его послания были полны страсти, его глаза горели ею же, но все встречи продолжались не более минуты. Он вручал Кэт очередной подарок, легко касался руки и тут же ускользал...

Эти странные, удивительные отношения длились три месяца. Кэт уже смирилась со всем, приняла его правила, решив для себя, что у мужчины ее мечты есть проблемы сексуального плана, как вдруг он одним своим звонком опроверг все ее догадки. Он позвонил и сказал, что безумно ее хочет и не может больше ждать. Сказал, что мечтал обладать ею с первых минут, как увидел, но боялся спугнуть или оскорбить ее своим напором. Сказал, что все презенты – мелочь по сравнению с тем, что он может ей подарить. Волшебную ночь, как минимум, волшебную жизнь, как максимум. А кроме этого все, что пожелает его богиня...

– Ничего не хочу, – счастливо рассмеялась Кэт. – Только тебя!

– Ты уверена? – напряженно переспросил он. – Ведь ты даже не знаешь, как я выгляжу... Вдруг я тебе не понравлюсь? Хотя, если нет, то я еще подожду... Сколько захочешь...

– Ты мне понравишься, – успокоила его она. А про себя усмехнулась – наивный, неужели он еще не догадался, что она давно его вычислила.

– То есть внешность для тебя не главное?

– Для меня главное – душа, – мягко сказала Кэт.

– Тогда у меня есть шанс...

– Когда увидимся?

– В полночь, моя принцесса, – ответил он нежно. – Я буду ждать тебя в полночь у себя...

– Но я не знаю, где ты живешь...

– Я пришло за тобой машину, – сказал он. – И небольшой презент. Его передаст тебе шофер. Пожалуйста, надень его, мне будет приятно...

Кэт тогда подумала, что «небольшим» презентом окажется сексуальное нижнее белье (поэтому не надела своего), но никак не колье из розового жемчуга...

– То есть вы хотите сказать, что эту безделушку он вам подарил просто так? – услышала Кэт требовательный голос следователя. – За красивые глаза?

– Не хамите мне! – вспыхнула Кэт.

– Я не хотел, – буркнул он, ни сколько не смутившись. – Извините. Просто я далек от вашей божественной жизни, и мне трудно представить...

– От любого другого поклонника я не приняла бы столь дорогой вещи, – сухо перебила его Кэт. – Но Игорь... Он был...

– Мужчиной вашей мечты, – закончил за нее следователь. – Как вы попали к нему в дом?

– Дверь была открыта, я беспрепятственно вошла.

– А ворота?

– Ворота тоже.

– Охранника не было, когда вы приехали?

– Не знаю, – растерянно протянула Кэт. – Я очень волновалась и... мало что замечала. Но, скорее всего, его не было, раз меня никто не остановил... – Она нахмурилась, вспоминая события недавние, но такие туманные, что они казалось то ли сном, то ли «преданьем старины глубокой». – В доме, судя по всему, тоже никого не было. Никаких посторонних звуков, кроме тихой музыки и боя часов, я не слышала. Я решила, что ОН специально отпустил прислугу, чтобы никто нам не мешал...

– Да, вы правы. В доме никого не было. Будка охраны на момент прибытия милиции тоже пустовала, – сказал следователь, а про себя подумал, что это очень странно, потому что такие особняки без присмотра обычно не оставляют. – Итак, вы вошли, поднялись наверх, увидели мужчину своей мечты в кровати, разделись и полезли к нему, чтобы поцеловать... – Следователь поднял глаза от протокола и с любопытством посмотрел в лицо Кэт. – Неужели вы не видели кровь? Она же по всей подушке...

– Я думала, это лепестки роз, – тихо ответила Кэт. – В темноте я плохо вижу... А там, в доме, они были везде... Эти лепестки...

– Его ударили чем-то тяжелым по затылку. Серов в это время сидел на кровати. Подошли сзади и стукнули. После удара он упал на спину и умер... – Услышав слово «умер», Кэт поежилась. – И так как дверь в спальню находится напротив изголовья кровати, то получается, что Серов знал убийцу и доверял ему, раз позволил тому войти в комнату и встать за своей спиной... – Следователь замолчал. Он смотрел на Кэт, как удав на кролика, и не произносил ни слова. Десять секунд, двадцать, тридцать. От гнетущей тишины у Кэт побежали по коже мурашки, как вдруг пауза оборвалась, и следователь гаркнул: – Это сделали вы?

Кэт вздрогнула всем телом и вдруг тихо-тихо заплакала. Следователь нахмурился. Он смотрел, как она по-детски хнычет, всхлипывая и утирая слезы кулачком, и думал о том, что перед ним профессиональная актриса, для которой изобразить невинность проще простого. Но чем больше он наблюдал за Кэт, тем сильнее крепла в нем уверенность в ее непричастности к убийству. Тем более что он изначально не верил в виновность этой девушки. Хотя бы потому, что дверь, которая, как она думала, закрылась от сквозняка, никак не могла захлопнуться от удара. В нее был врезан замок, запирающийся только при помощи ключа. А коль ключа при Кэт не оказалось, значит – дверь запер кто-то другой. И этот кто-то нажал «тревожную» кнопку на пульте охранника, чтобы вызвать милицию.

– Успокойтесь, пожалуйста, – взмолился следователь, не терпящий женских слез. – Я вам верю. Но поймите, пока вы единственная подозреваемая...

– Понимаю, – всхлипнула она. – Но и вы поймите, что мне незачем было его убивать. Наоборот – я хотела бы прожить с ним всю жизнь! Это был такой мужчина... Такой... – Кэт вдруг перестала плакать. Она посмотрела на собеседника огромными, блестящими от застывших слез глазами, и едва слышно сказала: – Кажется, я любила его!

– Но вы только десять минут назад утверждали, что даже его имени не знали...

– А разве чтобы полюбить, нужно знать имя? – задумчиво прошептала она. – Достаточно импульса, слова, взгляда, поступка...

Следователь закатил глаза. Беседы с подозреваемой на романтические темы в его планы не входили. Ему хотелось побыстрее закончить допрос и поехать домой – он не спал двадцать часов и уже валился с ног.

– У вас есть враги? – спросил он, нетерпеливо поерзав на стуле.

– Что? – Кэт, мысли которой были далеко, не сразу поняла, чего от нее хотят. – Что вы имеете в виду?

– Не исключено, что вас подставили.

– Кто?

– Это я и пытаюсь понять, – терпеливо разъяснил следователь. – Поэтому спрашиваю – у вас есть враги?

– Нет, – мгновенно ответила Кэт, но потом уже не так уверенно добавила: – Я думаю, что нет... Недоброжелатели, завистники – может быть, но враги...

– Недоброжелатели и завистники, как я понимаю, это ваши коллеги артисты, – сказал он. И Кэт, не уловив вопросительной интонации, не стала это ни подтверждать, ни опровергать. А следователь продолжал допрос: – Кто-нибудь из них знал о предстоящем свидании?

Кэт покачала головой:

– То есть вы не похвалились ни одной из подружек, что у вас назначена встреча с мужчиной вашей мечты? – недоверчиво хмыкнул он.

– Похвалилась, – смущенно пробормотала Кэт. – Одной... По телефону. Позвонила и...

– Имя подруги?

– Эльза. Эльза Петрова.

– Она тоже актриса?

– Нет, она мой агент и к убийству не может иметь никакого отношения... – Увидев, что брови следователя вопросительно изогнулись, она пояснила: – Эльзы сейчас нет в Москве, она в Казани. По моим делам... И вообще...

Кэт хотела добавить, что Эльза вообще не из тех людей, которые могут убить человека ударом тяжелого предмета по затылку (от вида крови та падала в обморок), но вынуждена была замолчать, потому что со стороны входной двери послышались такие громкие голоса, что ее слова просто-напросто потонули бы в общем шуме. Кэт обернулась и увидела, как в холл вбегает покрасневший милиционер в форме и, возбужденно размахивая руками, кричит:

– Олег Саныч! Там какой-то сумасшедший рвется! Уверяет, что он хозяин этого дома!

– Чего, чего? – нахмурился следователь, которого, как Кэт теперь припомнила, звали как раз Олегом Александровичем. А фамилия его была – Быков.

– Уверяет, что он Игорь Сергеевич Серов!

– Я действительно Игорь Сергеевич Серов, – послышался спокойный мужской голос. Затем показался сам мужчина. Он встал в дверях и, глянув поверх головы краснолицего милиционера, обратился непосредственно к Олегу Александровичу: – Могу я узнать, что тут произошло?

– Паспорт при вас? – сухо спросил Быков.

Мужчина без слов достал из нагрудного кармана пиджака свой паспорт и помахал им в воздухе.

– Саша, посмотри, – скомандовал Быков своему коллеге.

Саша сделал, как было велено. И, посмотрев, удивленно хмыкнул и посторонился, пропуская Серова внутрь.

Тот вошел в холл. Шагал он медленно, сильно припадая на левую ногу, а правую выбрасывая вперед так, что казалось, будто он бьет по невидимому мячу. В руке у Серова была крепкая трость. Он опирался на нее, но все равно шел с огромным трудом. Достигнув кресла, стоявшего по другую сторону занятого Быковым стола, он тяжело в него опустился, принял удобную для себя позу (одну ногу подогнул, вторую вытянул) и только после этого поздоровался. Сначала с Кэт, затем с Быковым. Улыбкой и кивком. Следовательно на приветствие ответил тем же, а вот Кэт его проигнорировала, разве что моргнула, когда Серов повернулся к ней. Моргнула от неожиданности! Теперь, когда Серов оказался от нее на расстоянии вытянутой руки, она рассмотрела его лицо. До этого, когда Серов находился в отдалении, оно казалось Кэт просто малопривлекательным, хотя вполне обычным. Теперь же она увидела, что оно отталкивающе некрасиво: ассиметричное, суровое, излишне смуглое, обезображенное кривым шрамом, пересекающим все правую сторону – от виска до подбородка. Более-менее привлекательными во внешности Серова были только две черты: сочные губы и густые темные волосы. Все остальное вызвало у Кэт содрогание. Особенно шрам и черные, похожие на два бездонных омута, глаза.

– Значит, Серов, это вы? – услышала она голос Быкова и, с трудом оторвав взгляд от завораживающе уродливого лица, перевела его на уставшую, но вполне приятную физиономию следователя. – И живете здесь именно вы?

– Да, я тут живу, – донесся до Кэт глубокий баритон Серова – смотреть в его сторону она не решалась.

– Один?

– Да. С женой мы расстались два года назад. – Пауза, за время которой Кэт успела подумать: «Боже, за него еще кто-то замуж пошел!». – А в чем дело? Вы мне так и не объяснили...

– Прислуга у вас имеется?

– Естественно.

– Где она сейчас?

– Я всех отпустил до завтрашнего утра.

– Почему?

– Это к делу отношения не имеет, – сухо ответил Серов.

– Позвольте мне решать, что имеет отношение к делу, а что нет, – запальчиво возразил Быков. – Чтоб вы знали – в вашем доме произошло убийство, так что...

– Я понял, что здесь кого-то убили. Иначе не стояла бы у ворот «труповозка», – спокойно сказал Серов. – Кто жертва?

– Мужчина, – ответил Быков и вдруг добавил: – Ее мечты, – и указал подбородком на Кэт.

Серов тут же уставился на нее. Кэт по-прежнему не смотрела в его сторону, но взгляд его она чувствовала: щеку покалывало так ощутимо, что та начала чесаться. Не в силах терпеть этот зуд, Катя тихо сказала:

– Пожалуйста, перестаньте меня гипнотизировать...

– Вам это противно?

– Мне не по себе...

– Хорошо, – сказал Серов, и щека ее тут же перестала зудеть. Потом Кэт услышала, как он едва слышно выдохнул: – А говорила, главное – душа...

И только тут до Кэт дошло, что мужчина ее мечты, тот, кто три месяца дарил ей сказку, любовь и надежду, не лежит, холодный и неживой, в кровати, а сидит рядом, пугая ее гипнотическим взглядом и отталкивая своим страшным шрамом. Не тот, красивый и статный, а этот – хромой и безобразный. Теперь понятно, почему он так изысканно ухаживал, так долго тянул с первой встречей, так боялся не понравиться...

Он знал: красавицы в чудовищ влюбляются только в сказках!

Глава 2

По лицу Кэт можно было прочесть все ее мысли. Сейчас, например, она с негодованием думала о том, что чудовища только в сказках могут надеяться на любовь красавиц! И тут Игорь был с ней согласен. Он знал, что не имеет права рассчитывать на ответное чувство. На секс за подарки – да. В конечном итоге, любую женщину можно купить. Что он, собственно, и делал. Покупал! Всех: от жен до случайных любовниц. Кэт тоже мог бы: если не бриллиантами, машинами, квартирами, так ролями, заказными статьями и передачами, престижными премиями – все это тоже продавалось. Мог бы... Но не хотел! От нее ему нужна была именно любовь. Искренняя, чистая, такая, какую питала красавица из сказки «Аленький цветочек» к чудищу лесному...

«Хотя в моем случае, – поправил себя Игорь, – уместнее будет вспомнить другое литературное произведение, а именно роман об Анжелике, которая полюбила просто-таки моего двойника – хромого Жофрея со шрамом во всю щеку...»

– Это вы были тайным поклонником гражданки Соковой? – услышал Игорь вопрос следователя и отринул от себя бередящие сердце мысли. – Тем самым, что дарил ей цветы и жемчуга?

– Я, – коротко ответил Игорь, заметив краем глаза, как, услышав его ответ, вздрогнула красавица Кэт.

– И сегодня вы впервые увиделись?

– Сегодня она впервые увидела меня. Я же много раз приезжал в аэропорт, чтобы проводить ее или встретить. Однажды я летал за ней в Ялту. Но держался на расстоянии. Я видел ее, она меня нет.

– А вот гражданка Сокова не далее как десять минут назад сообщила мне, что пару раз вас все же видела. Будто вы лично передавали ей подарки. И как она выразилась... – Следователь на миг задумался, – вы встречались глазами.

– Гражданка Сокова ошибается. Я никогда не передавал ей подарки лично. Всегда через посыльных или доверенных лиц. Видимо, кого-то из них она приняла за меня...

– Но звонили ей именно вы? И вы, а не ваше доверенное лицо, назначили ей встречу сегодня в полночь?

На этот раз Игорь не стал подавать голос, чтобы лишний раз не нервировать Кэт своим «я», а лишь кивнул головой.

– Тогда почему вы явились на встречу во втором часу? Нехорошо на свидания опаздывать...

– Сначала моему самолету посадку не давали, а потом, когда мы все же приземлились, по пути из аэропорта попали в кошмарную пробку, вот я не и успел вовремя.

– Почему вы девушку об этом не предупредили?

– Я звонил ей, но никто не взял трубку.

– Я оставила телефон дома, – подала голос Кэт. – Не хотела, чтобы отвлекали звонками...

– Тогда я связался со своим охранником Антоном, – продолжал Игорь. – И до этого ему уже звонил, просил тут кое-что подготовить... – Он бросил быстрый взгляд на разбросанные по полу пожухлые лепестки. – Когда стало ясно, что не успеваю, я поручил Антону встретить девушку, проводить в дом, все объяснить...

– Ее никто не встретил, – сообщил ему следователь.

– Я это понял, – сухо сказал Игорь. – И, кажется, мы оба догадываемся почему. – Он крепко обхватил трость правой рукой, левой с силой оперся на подлокотник и сделал рывок вверх. Ноги его, конвульсивно дернувшись, распрямились. Игорь поднялся. Grimаса боли

исказила его лицо, но задержалась на нем не дольше секунды. – Я готов опознать тело, – сказал он сдавленно.

Быков кивнул и тоже поднялся.

– Я могу ехать домой? – нервно спросила у него Кэт.

– Пока нет. У вас еще нужно отпечатки взять. А пока почитайте протокол и, если все верно, распишитесь.

– Когда мне вернут мои вещи?

– Тоже не сейчас. Придется вам домой отправиться в этом халате. Но вы не волнуйтесь, мы вас добросим, куда скажете...

– Если дама не возражает, – вклинился Игорь, – до дома довезу ее я.

– Дама не возражает? – вопросительно посмотрел на Кэт Быков. Та, немного подумав, качнула головой. – Вот и ладненько, – удовлетворенно буркнул он и направился к лестнице.

– Не туда, – остановил его Серов. – Сюда, – и указал на огромное панно с изображением выброшенной на берег бригантины, которое занимало почти всю стену за лестницей. – Здесь лифт, – пояснил он.

– И куда мы приедем? – поинтересовался Быков, меняя направление движения.

– В мою спальню, – ответил Игорь, нажав на встроенную в один из украшавших стену декоративных камней кнопку. – Мне трудно подниматься, – добавил Серов, умолчав о том, что лифт появился задолго до того, как он стал инвалидом. Архитектор, проектирующий дом, уверил Игоря, что это не лишний «понт», а очень полезная вещь, которая рано или поздно пригодится. Как в воду глядел! Лифтом Серов теперь пользовался регулярно...

Панно с тихим шуршанием отъехало. Показалась маленькая кабинка. Серов с Быковым вошли внутрь. Игорь ткнул пальцем в светящийся кругляш на стене. Лифт бесшумно заскользил вверх.

– Что с ногами? – спросил вдруг Быков.

– Упал с крыши пятиэтажки. Множественные переломы обеих ног. Травма позвоночника. Шестнадцать операций. Ходить начал только год назад.

– Это, – Быков ткнул пальцем в щеку, – тоже с тех пор?

– Нет, это появилось гораздо раньше.

Лифт остановился. Дверь отъехала в сторону. Игорь увидел свою спальню и спящих по ней людей. Потом, когда сделал шаг из кабины, наткнулся взглядом на розовое платье, валяющееся на полу, и пару белых туфель. Это были вещи Кэт. Он знал это доподлинно, потому что видел ее и в платье, и в туфлях на какой-то премьере, куда пришел лишь потому, что в списке приглашенных была Кэт. Тогда он передал ей через своего секретаря маленький букет коллекционных белых орхидей. Она положила их на обтянутые розовым шифоном платья колени, и весь сеанс тербила пальчиками нежные лепестки цветка. Глядя на это, Игорь подумал тогда, что бог создал белые орхидеи именно для нее, красавицы Кэт...

– Игорь Сергеевич, – окликнул замешкавшегося Серова успевший покинуть лифт и пройти к кровати Быков. – Будьте добры сюда.

Игорь подошел, встал рядом со следователем. Покойников ему видеть доводилось и прежде, поэтому он довольно спокойно осмотрел труп, затем постельное белье и, остановив взгляд на забрызганной кровью подушке, спросил у Быкова:

– Убили ударом по голове?

– Совершенно верно, – подтвердил его догадку следователь. – Судя по всему, убийца вышел из лифта... – Тут он решил уточнить: – Кстати, кто о нем знает?

– Все. От прислуги до моих друзей и бывшей жены.

– Вот значит как, – буркнул Быков и задумчиво поскреб небритый подбородок. Как понял Игорь, его это разочаровало. Конечно, знай о существовании лифта единицы, можно было очертить круг подозреваемых, а так получается, что убийцей мог быть кто угодно из входящих в

дом людей. – Лифт работает бесшумно, – продолжил Быков свои размышления, – а тут звучала музыка, да и ковер очень толстый, мягкий, поэтому появление убийцы в комнате и его приближение к кровати не было Антоном замечено. Убийца подкрался к потенциальной жертве сзади и шарахнул чем-то тяжелым по затылку...

– Амуром.

– Что?

– Амуром шарахнул бронзовым, – сказал Игорь и указал на прикроватную тумбочку, на которой стоял подсвечник: Купидон, державший в пухлых руках лук с натянутой стрелой (тонкой свечкой) и метивший ею в небо. – Их два было. На обеих тумбочках стояли...

– Слышал? – обратился Быков к одному из коллег. – Поищите. – А потом опять к Серову:

– Вы узнаете покойного?

– Да, это мой охранник Антон Потапов.

– Есть мысль, почему ваш Антон забрался в хозяйскую кровать... – Быков приподнял край шелкового покрывала и, заглянув под него, кашлянул: – Да еще голым?

– Думаю, он решил воспользоваться случаем.

– Вы имеете в виду, что ваш охранник решил выдать себя за вас и... – Очевидно, Быков хотел сказать что-то типа, поймать актрисулю, но ограничился многозначительным покачиванием головы.

– Другого объяснения его поведению я не нахожу.

– Этот Антон сколько у вас проработал?

– Три года. Или около того...

– Хорошо ему платили?

– Прилично.

– И вы хотите сказать, что он готов был лишиться хорошей работы ради десятиминутного удовольствия?

– Дело в том, что Антон был ярым поклонником Катерины Соковой.

– Да у вас тут прям фан-клуб! – не сдержался Быков. – Теперь понятно, почему гражданка Сокова приняла его за мужчину своей мечты, то есть за вас! Ее ввел в заблуждение его влюбленный взгляд...

«И его сногшибательная внешность», – добавил про себя Игорь. Ибо мужчина мечты должен быть идеальным во всем. Он не может быть хромым чудовищем, он просто обязан быть красивым, статным, сексуальным, кроме того что умным, внимательным, преданным. Разве женщина, рисуя в уме портрет идеального спутника, рассечет ему лицо безобразным шрамом? Конечно, нет. Она сделает коллаж из глаз-губ-носов-подбородков голливудских актеров и, встретившись с воплощением своих грез в жизни, скажет – вот именно он, мужчина моей мечты, потому что другим он быть просто не может!

– Покойный жил здесь, в доме? – задал очередной вопрос следователь.

– В домике для обслуживающего персонала. Он тут неподалеку. Желаете осмотреть его комнату?

– Желаем.

– Пойдемте, я вас провожу.

– Может, поручите это дело кому-то другому? – участливо поинтересовался Быков, он видел, как тяжело Серов опирается на трость, причем двумя руками.

– Не беспокойтесь обо мне, я в порядке, – отрывисто бросил Игорь, который не терпел, когда с ним обращались, как с инвалидом, и быстро, насколько мог, зашагал к лифту.

Они спустились вниз. Кэт все сидела в холле и читала протокол. Услышав постукивание трости о мрамор пола, она вздрогнула. Поняла, что явился Игорь, но глаз не подняла. «Противно смотреть на меня, – не столько с горечью, сколько с грустью подумал он. – Понимаю. Не осуждаю. Но немного разочарован... Ведь говорила, что главное – душа...»

И, едва слышно вздохнув, повел Быкова к «задней» двери, чтобы вывести во двор.

Глава 3

Кэт сначала почувствовала приближение Игоря, и только потом услышала стук его трости. Непроизвольно вздрогнув от этого звука, она низко склонилась над протоколом и сделала вид, что читает, хотя давно уже прочла и даже подпись внизу поставила. К счастью, в холле Серов не задержался, повел Быкова куда-то в глубь дома. Когда звук его шагов удалился настолько, что можно было не сомневаться в том, что Кэт не встретится с Игорем взглядом, она осмелилась поднять голову и посмотреть ему вслед. Его хромота ее не пугала. И не отталкивала. Лицо, собственно, тоже не отталкивало, хоть и пугало. Да, оно было ужасно некрасивым, если не сказать уродливым, но не мерзким. Игорь зря решил, что ей противно на него смотреть. Нет, Кэт было стыдно!

Она боролась с этим чувством, уговаривала себя не глупить, но ничего не могла с собой поделать – посмотреть в лицо Игорю у нее духу не хватало. И как только она согласилась на то, чтобы он отвез ее домой? Ведь им придется сидеть рядом, разговаривать...

«Вот именно поэтому и согласилась, – ответила себе Кэт. – Нам нужно поговорить. Объясниться...»

Но тут же поняла, что ничего ему объяснять не надо. Он уже все понял. Как всегда, понял так отчетливо, будто умел читать ее мысли. Кэт вдруг вспомнила день, когда он прислала ей белые орхидеи. Она тогда надела розовое платье, в котором была сегодня, и белые туфли, потому что розовых не было, и всю дорогу думала, что без белой детали (шарфика, пояска, браслета) ее наряд выглядит не законченным. Кэт это ужасно напрягало, и она все думала о том, что надо хотя бы светленький букетик купить. Каких-нибудь лилий или розочек. И вдруг ей вручили орхидеи. Снежно-белые, с розовыми пестиками. Казалось, они были созданы специально для нее...

В тот день она еще не ассоциировала мужчину своей мечты с тем красавчиком, который лежал сейчас в спальне с разможенной головой. Кэт понятия не имела, как мужчина ее мечты выглядит, но иногда в воображении делала набросок его образа, и вот что у нее получалось: импозантный, седовласый, почему-то с эспаньолкой. Будучи дамой взрослой (для всех – ей было двадцать девять, на самом деле – тридцать три) и много в жизни повидавшей, она отдавала себе отчет в том, что *так* красиво и *так* долго добиваться женщину молодой и роскошный самец не будет. А значит, ее поклонник немолод и не очень красив! Так какого, в таком случае, черта тогда в аэропорту она повелась, как наивная девчонка, на стать, смуглость, синеглазость? Как дала глупым бабьим мечтам о прекрасном принце затуманить свой разум? Не будь она такой дурой *тогда*, все было бы по-другому *сейчас*...

С Игорем Серовым она обязательно бы встретилась. Но не в этом доме, и не в полночь. В ресторане. Вечером. На ней было бы нижнее белье и более скромное, но купленное на свои деньги украшение. Кэт увидела бы его издали и смогла бы подготовиться к встрече тет-а-тет: придумать нужные слова, чтобы не обидеть его отказом, а главное – не показать сначала испуга, потом разочарования...

– Подписали? – услышала она над ухом голос одного из оперов.

Кэт отдала ему протокол.

– Теперь мы у вас отпечатки возьмем, хорошо?

Она кивнула. Пока дактилоскопист возился с ее руками, в дом вернулись Быков с Серовым. На ходу они что-то обсуждали, но Кэт не могла расслышать, что именно, пока они не подошли к дивану и не сели на него:

– ...фетишист! – услышала Кэт обрывок произнесенной Быковым фразы.

– Я этого не знал, – сказал Игорь. – Иначе не позволил бы ему приближаться к ней. Ведь это все равно какое-то психическое отклонение...

– Фетишисты безобидны, – успокоил его следователь. – Самая большая пакость, на которую они способны, это украсть трусы из корзины для грязного белья. – Он непроизвольно поморщился и спросил у Кэт: – У вас часто воруют белье, Катерина Львовна?

– Нет, нечасто, – ответила Кэт. – Но пару раз было.

– Что именно пропадало?

– Бюстгальтера как-то найти не могла, колготки...

– В сеточку?

– Да, но откуда...?

– А бюстгальтер серебристый с черными кружевами? – Кэт кивнула. – И еще, наверное, туфельку лаковую не помнили, куда задевали. Красную такую, на шпильке... – Он развел большой и указательный пальцы, демонстрируя, по всей видимости, высоту каблука. – Все это мы сейчас сподобились лицезреть в покоях покойного. Он был вашим фанатом, и кроме этого – охранником господина Серова.

– Но я никак не могу понять, как к нему все эти вещи попали? – пожал плечами господин Серов.

– Да очень просто! Он их купил! – Игорь удивленно вздернул брови. Быков тут же пояснил: – В Интернете, например, есть специализированный магазин, там как раз торгуют такими штучками: трусами Билана, носками Киркорова, шнурками Сычева. Но, судя по богатству коллекции, наш покойничек брал «товар» напрямую. То есть без посредничества всяких там интернет-магазинов, короче говоря, покупал его у кого-то, кто имел возможность доступа к вещам Катерины Львовны. Это либо человек из ее близкого окружения (стилист, например, или личный массажист), либо работник студии (хоть помреж, хоть уборщица).

– У меня нет личного массажиста, – сказала Кэт, с трудом разлепив губы. На нее вдруг навалилась такая усталость, что трудно было даже говорить. – Как и стилиста... – Она умоляюще посмотрела на Быкова и едва слышно выдохнула: – Можно, я поеду домой?

Тот утвердительно кивнул. Кэт опустила ноги на пол (она сидела, поджав их под себя) и только тут вспомнила, что босая.

– Сейчас вам принесут тапочки, – сказал ей Серов. – Секунду обождите...

Едва он это произнес, как в холле появился спортивный молодой человек, судя по всему, охранник Серова, несший в руках пару уютных махровых тапок. Кэт обулась. Тапки оказались велики размера на четыре. Идти в них было неудобно, они сваливались с ног, поэтому Кэт семенила к двери, как гейша, что позволило Игорю не отстать от нее. На финише же он вообще ее обогнал, а все для того, чтобы открыть перед ней дверь. Едва Кэт справилась с удивлением (хорошо воспитанные мужчины среди «крутых» бизнесменов попадались так же редко, как порядочные женщины среди актрис) и вышла за порог, как с ее ноги слетела тапка. Перевернувшись, упала на ступеньку крыльца, и Кэт увидела на подошве логотип фирмы-производителя. Фирма называлась «Золушка», и это немного Катерину развеселило:

«Вот и я, как Золушка, – усмехнулась она про себя. – „Туфельку“ на крыльце потеряла... Жаль, принца нет, который бы ее поднял...»

– Позволь, – услышала она приятный баритон. А когда обернулась, увидела, как Игорь с трудом наклоняется, подбирает тапочку и подносит к ее босой ступне. – Я тебе помогу...

Смущенно буркнув что-то благодарственное, Кэт сунула ногу в «туфельку». Смотреть на Серова ей по-прежнему было совестно, поэтому, обувшись, она торопливо запрыгала вниз. У крыльца их уже ждал лимузин. Когда Кэт преодолела последнюю ступеньку лестницы, водитель распахнул перед ней дверцу. Она забралась в салон. Игорь присоединился к ней через минуту. Он долго усаживался, и, приняв наконец удобную позу, потянулся к дверке бара, достал бутылку коллекционного виски и стаканы.

– Надо выпить, – сказал он Кэт. – Самую малость, чтобы успокоиться...

Кэт поморщилась (она не любила крепкие алкогольные напитки, предпочитая полусладкие вина и светлое пиво), но спорить не стала – взяла предложенный стакан и сделала глоток. Виски обжег горло, Кэт закашлялась.

– Извини, я забыл, – сказал Серов немного сконфуженно и, вытащив из холодильника банку колы, разбавил ею виски. – Так будет лучше...

Кэт отхлебнула коктейля и, убедившись, что так действительно лучше, стала пить его мелкими глотками. Серов же поглощал виски неразбавленным, смакуя его с видом знатока.

Минут десять они ехали молча. Кэт хотела заговорить первой, но не знала, что сказать. Когда молчание стало ее тяготить, она выпалила:

– Я верну вам халат и тапочки завтра же! Пришлю со своим ассистентом... – Тут Кэт вспомнила о жемчужном колье и, сняв его с шеи, протянула Серову со словами: – И это я не могу от вас принять...

– Мы опять перешли на «вы»? – спросил Серов с печальным смешком. – Что ж... Как пожелаете... – Он плеснул себе еще виски и, отхлебнув, сказал: – Можете не утруждаться, Катерина Львовна, и выбросить эти вещи в мусор.

– Называть меня по имени-отчеству – лишнее, – отчего-то обиделась Кэт. – И провожать было не обязательно! Я прекрасно бы одна доехала...

– Я понимаю, но хотелось объясниться... Перед тем, как распрощаться навсегда...

Услышав эту фразу, Кэт удивленно воззрилась на Серова. Он тоже посмотрел на нее, но без удивления, с грустью. И грусть эта, сквозившая во всех чертах его сурового лица, преобразовала его, делая мягче и... приятнее. Глядя на Серова сейчас, Кэт уже не могла назвать его уродливым. Да, его портил шрам, да асимметрия искажала черты, но было в этом лице что-то, что отвлекало и от того, и от другого. Что именно, Кэт поняла в следующий миг, когда встретила с Серовым взглядом. «Глаза, – ахнула она мысленно. – Как я могла принять его глаза за два черных омута? Они же как южное небо в безлунную ночь: манящие, зовущие и такие яркие, будто расцвеченные всполохами фейерверка...»

– Я могу быть настойчивым, – медленно проговорил Серов, отвлекая Кэт от ее мыслей. – Но навязчивым – никогда. – Он достал визитку и сунул ее в карман Катиного халата со словами: – Если вам понадобится моя помощь или просто захотите поговорить, милости прошу, звоните в любое время, я же обещаю вас больше не тревожить...

Кэт после его слов долго молчала – прислушивалась к своим ощущениям. На сердце было беспокойно: маетно и... душно, что ли. Как будто вот-вот разразится гроза, воздух стал тяжелым и плотным, дышать было нечем, хотелось набрать полные легкие и облегченно выдохнуть...

– Вы правда меня любили? – спросила вдруг Кэт.

– Люблю, – поправил ее Игорь. – Правда, люблю.

– За что?

– За красоту.

Ответ Кэт разочаровал. Она не ожидала такой банальности. Любить за красоту, это же ужасно глупо! Особенно, если красота – результат трудов пластических хирургов. Все, чем так восхищаются поклонники Кэт: губы, нос, точеный подбородок – все это было «скроено» в одной из престижнейших московских клиник. И никто не догадывался об этом! Все считали ее красоту природной. Единственное, в натуральности чего сомневались многие, это грудь, но как раз ее Кэт не увеличивала. Роскошный бюст ей достался в наследство от матери – в их роду все женщины были, как выражалась бабка Клава, «титястыми». Но не особенно красивыми. Вот Кэт и пришлось внести в свою внешность некоторые коррективы. Начала она с пластики, а закончила полным изменением имиджа. Была приятной, но неброской блондинкой, стала ярко-рыжей сногшибательной красавицей...

– Я не об этом, – проговорил Игорь и очертил в воздухе круг, как бы обводя ее лицо. – Не о внешней красоте, а о внутренней...

– То есть вы считаете, что знаете меня достаточно, чтобы судить...

– Я вас знаю... И все о вас!

Брови Кэт взметнулись вверх. Все о ней не знал никто из посторонних. Она тщательно скрывала свое прошлое (часть его – точно). Так тщательно, что сменила фамилию и сделала пластику, лишь бы правда о некоторых моментах ее жизни не выплыла наружу. В официальной биографии Кэт было сказано, что она, отучившись в училище драмы города N-ска и сыграв много заметных ролей в театре, поехала покорять столицу. Поскольку та покорила не сразу, а сдаваться Катерина Сокова не желала, то ей пришлось, чтобы выжить в не верящей слезам Москве, поработать и продавцом пирожков, и официанткой, и даже посудомойкой. В итоге Кэт дождалась своего шанса. В кафе, где она работала, стало плохо одному из посетителей, девушка, пробовавшаяся когда-то на роль доктора, смогла оказать ему первую помощь, что спасло ему жизнь. Спасенный оказался известным режиссером. Он пригласил Кэт в свой новый фильм, после которого ее заметили и стали звать в другие проекты.

В общем, история восхождения Катерины Соковой к славе почти ничем не отличалась от многих подобных историй. Каждая вторая звезда Голливуда имела примерно такую же биографию, да только правды в ней было ровно на треть. В Катином же случае вранье составляло большую половину ее жизнеописания! Хотя официанткой она действительно работала, как и посудомойкой, да только в кино попала совсем другим способом...

– Вы заблуждаетесь на этот счет, – не сдержалась Кэт. – Ничего вы обо мне не знаете...

– Это вы заблуждаетесь, – мягко возразил Игорь. – Я знаю все... – Он пристально на нее посмотрел (кожу Кэт по-прежнему покалывало от его взгляда, но теперь не так, как при ожоге, а будто после массажа) и добавил: – Но это ничего не меняет.

Кэт медленно повернула голову и посмотрела в глаза Серова. По их выражению она поняла, что Игорь не обманывает. Он действительно знает все. Знает и не осуждает ее. И это удивительно, потому что сама она не могла вспоминать свое прошлое без брезгливого содрогания. Не все, конечно, – только часть его, но она, эта часть, всплывала в памяти чаще других эпизодов былого, счастливых и радостных. Таких, например, как первый выход на сцену театра драмы или получение премии «Открытие года» на фестивале искусств. Все это происходило давным-давно и не в Москве, а в N-ске, городе, где она родилась, выросла и стала актрисой...

Глава 4

В том, что Катюша, когда вырастет, станет актрисой, не сомневался никто: ни она сама, ни родители, ни их друзья, ни педагоги. Уж очень яркий был у девочки талант! Выявился он, когда Кате было четыре. Мама повела ее в театр на детский спектакль. Постановка оказалась не очень удачной: актеры играли безобразно, но особенно плохо – женщина, исполнявшая главную роль. Она была уже немолода, полновата, и чтобы хоть как-то походить на юную принцессу, прима кривлялась и жеманилась, из-за чего выглядела ужасно глупо. Родителям, приведшим своих чад на спектакль, было за нее даже неловко, но ребяташки смотрела постановку с увлечением, не замечая фальши. Одна Катерина взирала на «принцессу» с брезгливым удивлением, а в середине спектакля стала исполнять роль за нее. Она шепотом проговаривала все реплики, играла лицом и принимала нужные позы. И так у нее здорово получалось, что сидящие рядом взрослые не могли отвести от девочки взглядов. Забыв о том, что творится на сцене, они следили за игрой маленькой артистки и восхищенно качали головами.

Когда спектакль закончился, к Катиной маме подошла интеллигентного вида женщина (ее звали Тамарой Ивановной Вольской), сказала, что поражена талантом ее дочери и хочет видеть девочку в студии детского театрального творчества, где преподает. На следующий день Кэт уже была там. Детей младше шести в студию не принимали, поэтому девочке просто разрешили присутствовать на занятиях и репетициях. Однако по прошествии месяца Тамара Ивановна, наплевав на правила, ввела девочку в основную труппу – Кэт оказалась самой талантливой среди ребят, и оставлять ребенка-самородка без ролей лишь потому, что она мала, руководительнице казалось неправильным.

В четыре с половиной года Кэт сыграла свою первую роль. Маленькую, но заметную. В шесть ей досталась уже главная – роль Герды. В десять Катерина играла во взрослых спектаклях драматического театра. В тринадцать получила премию «Открытие года» на региональном фестивале искусств. В шестнадцать без экзаменов была принята в театральное училище. В двадцать закончила его с красным дипломом и тут же была зачислена в труппу N-ского театра драмы. А в двадцать один Кэт стала его примой!

Она легко шла по жизни, походя завоевывая всех без исключения: режиссеров, критиков, коллег, зрителей, мужчин. Она играла в театре почти все заглавные партии, мелькала на региональном телевидении, имела двух любовников, один из которых снимал для нее шикарную квартиру, а второй дарил свое великолепное тело стриптизера и душу милого провинциального мальчишка, мечтающего об искренней любви.

Итак, у нее было все. Или почти все...

Любви не было! Страстной, с большой буквы Любви, настоящей, всеобъемлющей, безумной! То есть влечение, восхищение, симпатию, – все это Кэт испытывала. Влечение к стриптизеру, уважение к бизнесмену, и симпатию к ним обоим. Но ни того, ни другого она не любила и чуточку от этого страдала. Ей казалось, что актриса обязательно должна познать это чувство, ведь ей так часто приходится его играть. Тем более в тот момент Кэт репетировала «Леди Макбет Мценского уезда» и роль ей никак не давалась: она не понимала свою героиню, не соперничала ей, и никак не могла найти ей оправдание, что очень мешало Кэт создавать образ. И так как актерская работа для нее была всегда важнее остального, она стала страстно мечтать о любви. Кэт молила бога, чтоб он послал любовь, когда без нее проходил еще один день, негодовала, считая себя обделенной, высказывала Всевышнему свое недовольство... И вытребовала-таки! Любовь, та самая, с большой буквы, накрыла Кэт, как штормовой вал, и унесла в такие бездны страсти, что было не выкарабкаться. Когда это случилось, Кэт, наивная, восприняла ее как подарок небес, выстрадавший и вымоленный. Но любовь эта оказалась – карой!

Кару звали Ярославом. Славой. На Ярика, Рослика, Славика он просто не откликался. Он пришел в театр сразу после училища, но ему было уже около двадцать пяти. В общем, старше Кэт, но похож на дитя. Капризный, непостоянный, увлекающийся, наивный, непредсказуемый: готовый горько плакать над мертвой птичкой и способный с исступленной жестокостью бить хлесткими словами по больному. Красив Слава был тоже как-то по-детски! Чистое лицо с нежным румянцем, огромные лучистые глаза, влажный полногубый рот, буйство пепельных кудрей, спадающих на безмятежный лоб. Тело не мужчины – подростка: без всякого намека на мышцы и волосистой покров. Принадлежи оно другому мужчине, Кэт посчитала бы его непривлекательным, но Ярослав, с его лицом эльфа, мог быть только таким: тонким, гладким, золотисто-бледным... И, что уже к фигуре не относится, безумно талантливым!

То, что это действительно так, Кэт поняла сразу, как только увидела его впервые. Стоило ей взглянуть в его глаза, в которых бушевали, не мешая друг другу, сразу две противоборствующие стихии (сероватая зелень океана, и желтые отблески огня), как она почувствовала – перед ней гений. Так же думал и сам Ярослав, поэтому ее явное восхищение воспринял как должное, а от Катиного предложения помочь ему с его первой маленькой ролью пренебрежительно отказался. Как будто знал, что играть он будет не второго крестьянина в третьем ряду, а главного героя, и играть так, что после премьеры в него влюбятся все бабы, присутствующие в театре – что в зале, что на сцене, что за кулисами... Включая Кэт.

Роман их начался на третий день после премьеры. Начался так обыденно, что Кэт должна была бы призадуматься, не дурной ли это знак, но тогда, оглушенная любовью до состояния, близкого к дебилизму, она восприняла просьбу Славы пустить его к себе переночевать как бесценный дар богов.

Он переночевал у Кэт один раз, затем второй, третий. На четвертый день он переехал к ней со всеми своими вещами: стареньким чемоданом с трусами, носками, штанами и тремя потрепанными книгами Шекспира. Естественно, после этого Кэт пришлось распрощаться с обоими любовниками, но ее это не огорчило, несмотря на то, что теперь за аренду квартиры она должна была платить из собственного кармана (на карман Ярослава рассчитывать не приходилось – там водилась одна мелочь). Расстраивало Кэт другое – Славино к ней равнодушие. То есть он симпатизировал ей, ему нравилась с ней спать, беседовать, ходить в кино (кино уже тогда являлось его страстью), ему было удобно с Кэт и интересно, но он ее не любил. Это позже Кэт поняла, что он просто не имел такой способности – любить кого-то, кроме себя, а тогда она ждала если не полноценного ответа на свои чувства, то хотя бы их отголоска, однако желаемого так и не получала. В остальном же все было прекрасно. Они ладили, а если и ругались, то только из-за работы, которую обсуждали денно и нощно.

С Ярославом Кэт прожила три месяца. Вполне счастливых месяца. Им даже денег хватало, несмотря на то, что жили они лишь на две зарплаты. Слава, как все гении, к материальным благам был абсолютно равнодушен, а Кэт была настолько неравнодушна к нему, что одного его присутствия рядом ей для счастья оказалось достаточно.

Ярослав не изменял Кэт, хотя она жутко этого боялась. Зная, как увлечены им многие дамы из их труппы, и предполагая, насколько красавцы легкомысленны, она все ждала, когда до нее дойдет весть о его неверности, но Слава так погрузился в свое актерское ремесло, что ничего другого не жаждал. Он и с Кэт спал лишь раз в неделю, когда она буквально насильно затаскивала его в кровать, а в остальное время репетировал-репетировал...

Все в их размеренной, почти семейной жизни изменилось в канун Женского дня. Было седьмое число. Кэт находилась дома, прибиралась и все гадала, додумается ли Слава купить ей подарок. Ей очень хотелось надеяться, что да. Сама Кэт подарила ему на двадцать третье февраля (к ее глубочайшему удивлению, Ярослав два года служил в артиллерийских войсках) домашний кинотеатр, от него же ждала хотя бы коробки конфет, поскольку ей было важнее внимание, чем сам презент, но от духов, например, она тоже бы не отказалась...

Дурочка! Тогда Кэт еще не знала, какой подарок ее ждет!

Слава пришел домой около полуночи. Пьяный. Но не от вина, а от счастья. Обняв Кэт на пороге, он сказал: «Я уезжаю!» и поспешил в комнату за своим чемоданом. Она бросилась за ним, выпрашивая, что он имеет в виду. Ярослав разъярился. Оказалось, его заметила ассистентка какого-то известного российского режиссера и пригласила в Москву для работы в сериале. Она пообещала ему главную роль и перспективу съемок в полноэкранной версии. И Слава, с детства бредивший кино, тут же дал согласие на переезд, хотя на завтра у него был запланирован спектакль. Кэт пыталась его вразумить, говоря, что без проб его не возьмут, но коль он надумал пытаться счастья, то ехать надо не завтра, а в выходной, однако он не хотел ничего слушать. Ярослав был уверен в успехе и ни на йоту не сомневался в том, что встреча с ассистенткой – тот самый счастливый случай, который в корне изменит его жизнь: оказалось, мысль стать ведущим актером N-ского театра драмы никогда не являлась пределом его мечтаний – Ярослав грезил о мировой кинокарьере.

В Москву он выехал первым же поездом. Он звал и Кэт, но она осталась, надеясь, что он скоро вернется. Кэт ошиблась – он не вернулся, хотя главной роли ему не дали. Лишь второстепенную. Друг старшего брата главной героини – вот кого играл гениальный Ярослав. Но он не унывал. Он верил в себя настолько, что сжег за собой все мосты: бросил Кэт, со скандалом покинул театр, наплевал на друзей, послал подальше поклонниц...

Он ушел в другую жизнь, захватив из прошлой лишь старый чемодан и три тома Шекспира!

Сказать, что Кэт горевала, все равно, что назвать, к примеру, умирающего от рака или СПИДа человека – нездоровым. Катерина в те дни была не столько нездоровой, сколько умирающей. У нее болело все, да так, что анальгетики не помогали. Она не могла есть, не могла спать. Дышать и то не могла – приступы удушья мучили ее регулярно, но проходили, стоило ей только подумать о смерти, как о спасении. От истощения, как нервного, так и физического, у Кэт начались проблемы с памятью. Она забывала элементарные вещи (где что лежит, на чем нужно добираться до работы, как-то она вообще пришла в театр без юбки), не говоря уже о текстах ролей – Катя стала запинаться во время спектаклей, приводя в ужас публику и режиссера. Но больший ужас они испытали, когда Кэт посередине второго действия хлопнулась на пол и забилась в судорогах. Естественно, спектакль прервали, а Кэт на «Скорой» увезли в больницу, где она провалялась неделю без всякого улучшения самочувствия.

Неизвестно, до чего бы она в итоге себя довела, если бы не Катин коллега Санька Замятин. Видя, что с ней творится, он позвонил Славе в Москву и все ему рассказал. Тот, надо отдать ему должное, судьбой Кэт озабочился и позвонил ей на сотовый, чтобы спросить о самочувствии. Впервые за месяц, прошедший с момента его отбытия, она услышала его голос! И услышав, ощутила такой восторг, что даже ее непреходящая боль отступила, а в животе непривычно заурчало – это к Кэт вернулось забытое чувство голода.

Кэт болтала со своим возлюбленным до тех пор, пока не кончились деньги на ее телефоне. Вернее, говорил Слава, а Катерина слушала. На следующий день он снова позвонил, и она опять ему внимала. Мысль о том, что любимому просто хочется с кем-то поделиться своими грандиозными планами, ее не посещала – Катерина воспринимала его звонки как доказательство любви, и млела от счастья, выздоравливая не по дням, а по часам.

Через пять дней Кэт выписали. В театре по этому поводу устроили вечеринку с шампанским. В разгар ее ожил Катин сотовый – это звонил Слава. Она тихо удалилась в уборную, чтобы громкие голоса и пробковая канонада не мешали им говорить. Вот именно там, в плохо убранной кабинке туалета, она от всего и отказалась! Кто-то пускает свою жизнь под откос, а Кэт спустила ее в унитаз...

Едва Слава сообщил ей, что его берут на главную роль в каком-то экспериментальном фильме, и он едет на съемки в Казахстан, Кэт решила – поеду с ним. Куда угодно: хоть в

Казахстан, хоть в Антарктиду, хоть на Луну, хоть в преисподнюю. И не важно, чего ей это будет стоить! Репутации, карьеры, будущего! Зачем ей будущее без него?

– Я с тобой! – выкрикнула Кэт иступленно, боясь одного, что ей откажут. Но Слава милостиво молвил:

– Давай. – И даже вроде обрадовался. Более того – пообещал выпросить у режиссера роль для Кэт. Только одного требовал, чтобы она приехала не позднее послезавтра. Иначе уедут без нее.

– Послезавтра буду, – не колеблясь, ответила она и побежала к главному режиссеру отпрашиваться в отпуск.

Естественно, отпуска Кэт никто не дал. Ни очередного, ни административного. Отпустить в разгар сезона актрису, играющую главную роль в удачнейшей премьере, звезду, на которую ходят, было бы несусветной глупостью, а главреж N-ского театра драмы глупцом не был. Тогда Кэт накарябала заявление об уходе и швырнула ему на стол. Тот аккуратно его сложил и спокойно заметил, что не подписать его он не имеет права, но Катерина не имеет другого права – уволиться, не отработав двух недель. Таков закон. «Плевала я на закон!» – заорала Кэт и убежала из театра.

На следующий день она просто не вышла на работу, а потом и вовсе уехала в Москву. Из «драмы» ее позже уволили за прогулы, но Кэт это совсем не тронуло – когда она узнала об этом, ничто не могло омрачить ее настроения, ведь с ней рядом находился ее Слава, а для счастья ей этого было вполне достаточно.

* * *

В Казахстане они пробыли месяц. Слава, действительно, выхлопотал для Кэт роль, но, прочитав сценарий и найдя его бредом обкуренного дегенерата, она от работы отказалась, а в экспедиции занималась тем, что создавала для своего гения комфортные условия быта. Это было очень сложно, поскольку жили артисты посреди степи, ночуя в палатках, еду готовя на костре, испражняясь в специально вырытые ямы, моясь в тазиках – но она справлялась. Это было по достоинству оценено Славой, и Кэт, наконец, услышала то, о чем мечтала все время их с Ярославом знакомства – предложение руки и сердца. Прозвучало оно так: «Давай, что ли, поженимся». И никаких тебе ужинов при свечах, романтических сю-сю признаний, колени-преклонных поз, колечек в бархатных коробочках. Просто и без затей – давай поженимся... Что ли!

Но Кэт была согласна и на «что ли». Особенно после того, как Слава обрисовал ей перспективу их будущего. По его прогнозам, уже через год он должен стать звездой, потому что его блестящую работу в этом фильме невозможно не оценить, и он сможет купить квартиру, машину, дачу, а в недалеком будущем и собственную киностудию. Пока же он может поработать в сериале, тем более есть надежда на то, что его героя из второстепенных персонажей выведут на первый план, ведь не могут же держать человека с таким талантищем, как у него, в тени других, менее одаренных, актеров.

Когда они вернулись в Москву, оказалось, что Слава ошибся в главном – талант для съемок в «мысле» не обязателен, гораздо важнее умение работать в команде и слушаться режиссера. А так как ни тем, ни другим Ярослав не отличался, его героя быстренько заразили смертельной болезнью, и уже в конце первого сезона друг брата главной героини благополучно скончался от невесты где подхваченной сибирской язвы. Слава остался без работы и без средств – за роль в экспериментальной картине ему заплатили не реальными деньгами, а гипотетическими процентами с кассовых сборов (Кэт искренне недоумевала, как можно было на них рассчитывать!). Хорошо хоть за квартиру было заплачено на полгода вперед, и у Кати сохранились кое-какие сбережения, иначе им пришлось бы очень туго. А так они справлялись. Ярослав

мотался по кастингам, обивал пороги актерских агентств, тусовался в «Останкино», куда ему сделали пропуск, иногда мелькая на экране в качестве зрителя в студии. Короче, был на виду. Но его никуда не приглашали!

Ярослав считал, что из-за боязни, что он затмит своей игрой признанных звезд. Его агентша, худая, прокуренная грубиянка по имени Эльза, списывала все на «неформатную» внешность своего подопечного. Кэт же пребывала в уверенности, что все гораздо проще, и режиссеры не зовут Ярослава из-за его дурного нрава и излишней актерской самоуверенности, о которых, благодаря сарафанному радио, стало давно известно в узких режиссерско-продюсерских кругах.

У Кэт дела обстояли лучше. Дважды все та же Эльза находила ей работу по озвучке и трижды устраивала в рекламную массовку. В отличие от Ярослава, брезговавшего такой нетворческой работенкой, Кэт на нее с радостью шла, лишь бы заработать, чтобы не умереть с голоду. А главное – не уморить своего гения.

Когда же со времени ее переезда в столицу прошло три месяца, Кэт выпал крупный шанс – роль в телефильме. Не главная, что естественно, но очень интересная. Да и заплатить обещали хорошо. Когда Кэт, обрадованная этим предложением, примчалась домой и сообщила новость Славе, он почему-то восторга ее не разделил. Выслушав Катин счастливый лепет, он сухо заметил, что очень за нее рад, но ему жаль, что теперь им придется расстаться. «Как? Почему?» – возопила Кэт в ужасе. «Я не смогу жить с женщиной, отказавшейся от меня ради карьеры», – скорбно ответил он. Услышав эти несправедливые слова, Кэт вместо того, чтобы послать обнаглевшего жениха подальше, начала слезливо умолять его так не говорить:

– Я не отказываюсь от тебя, – лепетала она, хватая его за ледяные пальцы и пытаясь их поцеловать. – Я просто хочу заработать денег для нас с тобой...

– Нет, отказываешься, – парировал он. – Ты могла бы сделать так, как сделал когда-то я – выхлопотать роль и для меня – но ты на меня наплевала...

На это глупейшее заявление Кэт могла отреагировать по-разному. Например, напомнить, что она не в том положении, чтобы хлопотать за кого-то, на худой же конец, пообещать поговорить насчет него с режиссером, но она выдала вот что:

– Я потребую роли и для тебя! А если они не дадут, откажусь от своей!

Услышав именно то, что хотел, Ярослав сменил гнев на милость:

– Я поступил бы точно так же, – молвил он, запечатлев на зареванной физиономии Кэт снисходительный монарший поцелуй.

Ну, а дальше события развивались очень предсказуемо. Славе роль никто не дал, и Кэт своей лишилась. Но она по этому поводу не убивалась, мысль о том, что она принесла очередную жертву во имя любви (а главное – может ждать того же от своего ненаглядного), согревало Катю в самые отчаянные периоды, и она по-прежнему ощущала себя вполне счастливой.

Беда пришла в ее жизнь спустя два месяца. Ярославу предложили роль в художественном фильме. Роль потрясающую, а главное, идеальную для него – он должен был сыграть Ангела Смерти, влюбившегося в девушку, за которой был послан. Здесь и его потусторонняя красота, и раздражаемая противоречиями (или двумя стихиями, отражающимися в глаза) мечущаяся натура, и не то божий, не то дьявольский дар пришлись как нельзя кстати. Ярослав очень успешно прошел пробы, и можно было на сто процентов быть уверенным, что утвердят именно его. Слава был на седьмом небе, и лишь одно не давало ему покоя – его обещание последовать дурному примеру Кэт: пристроить в кино и ее, а если не выйдет, отказаться от роли. Данное когда-то слово теперь его тяготило, а перспектива выбора пугала, но, пока оставалась надежда на Катину участие хотя бы в эпизодике, он держался. Когда же стало ясно, что режиссерша категорически не желает ее снимать (потом Эльза поведала Кэт об ее далеко не профессиональном интересе к Ярославу), Слава просто по-тихому собрал вещички и, пока Кати не было

дома, выехал из квартиры. Отказаться от роли оказалось выше его сил, но и посмотреть после этого Кате в глаза он не мог. Оставалось одно – уйти по-английски. Что он и сделал!

Когда до Кэт это дошло, она забилась в припадке. Она каталась по полу и выла, как умалишенная. Длился приступ очень долго – упала она на пол засветло, а когда поднялась с него, за окном стояла темень. Кэт тогда ужасно испугалась окружающего ее мрака! В ее воспаленном мозгу тут же вспыхнула мысль, что мир перестал существовать, и в беспросветно-черном хаосе осталась только она. Потом, когда Кэт немного пришла в себя, стало ясно, что просто стемнело, но ей от этого было не легче. Ярослав ушел, а это почти конец мира!

Шатаясь, Кэт побрела в ванную, наполнила ее, легла, взяла лезвие, полоснула им по запястью и стала ждать, когда за ней придет Ангел Смерти. И он пришел! Явился в образе Славы. Печальный, но торжественный, он подал Кэт руку, приглашая за собой. Она потянулась к нему, радуясь тому, что исходящие от него свет и безмятежность поглотят ее, и она растворится в них без остатка, но...

Свет резко померк. Безмятежность испарилась. Вместо них Кэт поглотила чернота и раздирающая тело боль...

Ее спасли!

Сердобольная Эльза, узнав, что Слава оставил Кэт, решила ее навестить. Когда та не открыла, агентша, почуяв своим измученным личными невзгодами бабьим нутром, что Кэт в квартире и с ней не все ладно, призвала на помощь соседа по лестничной клетке и взломала дверь. Обнаружив Катерину в ванне с перерезанными запястьями, Эльза едва не упала в обморок (вид крови вызывал у нее ужас), но смогла справиться с собой, добраться до телефона и вызвать «Скорую».

Когда на следующий день она пришла навестить Кэт, то вместо благодарности услышала кучу проклятий. Кэт хрипло кричала на Эльзу, что не просила себя спасать. А когда та, разобитая, выбежала за дверь, метнула в нее пакет с принесенными ею же апельсинами и очень разозлилась, когда ни один из них не попал в цель. В те минуты Кэт ненавидела Эльзу всей душой. Ведь если бы не она, Катя давно бы растворилась в безмятежности, сопровождаемая туда Ангелом Смерти, а не барахталась бы сейчас в болоте боли, страха и стыда, называемом жизнью...

* * *

Когда Кэт наконец выписали из больницы, она вернулась в квартиру, легла на кровать и не вставала с нее двое суток. Вернее, несколько раз она поднималась, чтобы сходить в туалет и попить, но никакими другими делами не занималась. Либо спала, либо думала о своей жизни, решая, как с ней поступить. Первые сутки единственным ее желанием было отказаться от жизни в пользу смерти. Но желание это постепенно прошло. Его отбила разгоравшаяся от часа к часу и наконец вспыхнувшая где-то в глубине души ненависть. Она полыхнула так яростно, что Кэт обдало жаром. «Будь ты проклят, Слава! – прорычала она мысленно. – Ты не стоишь ни меня, ни моей смерти! А коли так – я буду жить!»

Когда самый важный выбор был сделан, Кэт стало намного легче. Оставалось решить, как именно жить, чем заниматься, что предпринять, дабы вынырнуть из того болота, в которое она сама себя загнала, и не просто выбраться, а воспарить... Ведь парила же когда-то, а коли так – сможет вновь! Только нужно дождаться, когда перебитые крылья заживут, да сил набраться для первого взмаха...

Но сил пока не было. И раны еще кровоточили. Однако теперь Кэт не сомневалась – рано или поздно это пройдет. Ведь время лечит все!

По прошествии сорока восьми часов, Кэт приняла вертикальное положение. Обулась (одеваться не понадобилось – валялась она в джинсах и кофте), расчесалась и вышла из дома,

чтобы найти работу. Ведь неизвестно, сколько дней, недель, месяцев уйдет на восстановление, а жить на что-то надо. Конечно, было бы проще уехать из Москвы в родной город, там родители, знакомые, друзья, там ее звездное прошлое, ее публика, ее удача. В N-ске Кэт пристроилась бы если не в театр, то на региональное телевиденье. Там она взлетела бы даже с перебитыми крыльями. Но Кэт твердо решила не покидать Москву. И не потому, что возвращаться побитой собакой ей не позволяла гордость (от ее гордости давно ничего не осталось), просто Кэт знала: там она сможет только взлететь (как курица – невысоко, лишь бы занять свое место на насесте), но чтобы воспарить, она должна остаться здесь, в столице. К тому же пока она не была готова вернуться в искусство. Впервые за многие годы Кэт не ощущала в себе желания играть, перевоплощаться, лицедействовать. Да и не получилось бы у нее сейчас, она это чувствовала! Безграничное счастье, безудержная радость, искренний восторг, все это стало ей так чуждо, что попробуй она передать эти эмоции сейчас, любой почувствовал бы фальшь. А фальшивить Кэт не позволяла актерская совесть!

Поэтому Кэт осталась в Москве, а работать устроилась официанткой в американскую закусочную (без прописки найти место оказалось крайне сложно). Продержалась, правда, она там недолго. Находится все время на людях, улыбаться им, быть доброжелательной – для Кэт это оказалось очень трудным, почти невозможным делом. И по истечении испытательного срока ее не взяли в штат, а проще говоря, уволили. Как уволили впоследствии из итальянского ресторанчика, пирожковой, магазина женской одежды, обувной палатки, химчистки. Везде от нее требовали одного и того же: коммуникабельности, вежливости и позитива, а выдавить из себя все это, особенно позитив, никак не получалось. «С вашим отношением к людям, девушка, – сказал ей на прощание последний работодатель, – и вашей хмурой физиономией на приличное место можно не рассчитывать. Вам только в какую-нибудь шашлычной посудомойкой работать!»

Кэт сначала оскорбилась. «Да как он смеет? – возмутилась она мысленно. – Мне, умной, образованной женщине, бывшей звезде театральной сцены, входившей когда-то в десятку самых влиятельных персон N-ска, идти в посудомойки?». Но раздражение быстро улеглось, и Кэт вдруг подумалось, что сейчас именно такая работа подходит ей больше всего. Она выматывает так, что не до самокопания, а в сон после нее будешь не погружаться, а проваливаться. К тому же контакт с людьми сведен к минимуму, и ее хмурая физиономия никого не будет раздражать. А ее саму не будут раздражать окружающие своими довольными лицами! Посудомойки словно тени, их мало кто замечает, а Кэт как никогда хотелось стать невидимкой. «К тому же, чем хуже, тем лучше, – подвела она резюме. – Ниже не упаду. Зато когда воспарю, то с самого дна...».

Закончив этот внутренний монолог, Кэт пошла устраиваться на новую работу, и уже на следующий день приступила к мытью посуды в привокзальной шашлычной.

* * *

Прошло два месяца.

Кэт ехала поутру в метро, подремывала, пытаясь урвать дополнительные минуты для отдыха перед тяжелой трудовой вахтой, а рядом с ней на сиденье разместились две девицы. С демонстративным аканьем, выдававшим в них провинциалок, они обсуждали предстоящую встречу с каким-то режиссером по имени Александр Геннадьевич, обещавшим им феерическую кинокарьеру. Услышав кодовое слово «кино» (именно тогда она впервые ощутила в себе желание вернуться к актерской профессии), Кэт мгновенно проснулась и стала прислушиваться к трепу беседующих кинодив, но быстро поняла, что творения Александра Геннадьевича имеют к настоящему кино такое же отношение, как эти две лимитчицы к коренным москвичам. «В лучшем случае, – эротика, – мысленно резюмировала она. – А скорее всего –

порнуха!». Сделав такой вывод, Кэт собралась вернуться ко сну, но тут одна из девиц выдала фразу, заставившую Катю мгновенно встряхнуться. «Пятьдесят баксов съемочный день» – вот что сказала девица, а после добавила, что полтинник – самая низкая такса, потом будет сто, двести, а ежели удастся выйти в ранг звезд, то и пятьсот.

На тот момент ежемесячная зарплата Кэт составляла сто пятьдесят долларов. За эти гроши она ночи напролет (или дни – смотря какая смена выпадала) терла грязную посуду, драила чаны, отскабливала нагар со сковородок. Ее руки тогда были похожи на резиновые перчатки, натянутые на бидоны с брагой – такие же раздутые. Ноги же от многочасового стояния болели так, что под конец смены Кэт качалась словно пьяный матрос. В общем, она сильно недооценивала тяжесть работы, а степень «невидимости», наоборот, переоценивала: к ней цеплялся и хозяин, и повар, и официантки. Иной раз и клиенты заваливались в подсобку, норовили кто в углу зажать, кто просто душу излить. Приходилось молча отбиваться или так же молча выслушивать пьяную болтовню, не забывая при этом приводить в порядок посуду. Не успеешь за смену, будешь после домыть. Рабский труд – по-другому работу посудомойки не назовешь. И это за паршивые сто пятьдесят баксов, которые, оказывается, можно заработать за три дня необременительного лежания (наивная, когда-то она именно так и думала, это потом оказалось, что съемки в порнухе если не рабский, то очень и очень тяжелый труд, и единственное его преимущество – высокая оплата). Конечно, Кэт уже тогда понимала, как неприятно заниматься сексом с малознакомыми мужиками перед камерой, но это все же лучше, например, проституции, мысли о которой ее стали посещать. Во-первых, мужики будут более-менее привлекательные, во-вторых, чистые, в-третьих, здоровые. Главное же – это кино. Специфическое, но кино... Многие голливудские дивы начинали с порно... А коль она собирается стать кинозвездой, то почему бы не попробовать себя в фильмах для взрослых? Тем более за такие приличные деньги? «Я далеко не девственница, – торопливо размышляла Кэт, пытаясь принять скорое решение, потому что девицы приготовились выходить, а в порноиндустрию она могла попасть только через них. – Не ханжа. У меня было больше полутора десятков любовников и один не очень удачный, но весьма познавательный лесбийский опыт...»

Девицы уже подошли к дверям, а Кэт все не могла решиться.

«Я не стесняюсь своего тела, – твердила она мысленно. – Я еще студенткой позировала обнаженной одному фотохудожнику, и обнаженной же выходила на сцену, играя в „Декамероне“. То есть раздеться перед камерой я не побоюсь, а чтобы меня не узнали, можно загримироваться...»

Поезд, вынырнув из темноты тоннеля на свет, остановился. Двери, причмокнув, открылись. Девицы, не переставая обсуждать скорую встречу с порнушными дел мастером Александром Геннадьевичем, шагнули на перрон...

«В конце концов, чего я теряю? Не понравится – развернусь и уйду. Насильно, уж наверное, никто задерживать не будет!» – разродилась-таки решением Кэт и кинулась вслед за потенциальными порнозвездами, стараясь не думать о том, что за прогул ее могут выгнать с каторжной, но все ж таки стабильной работы.

Нагонять девиц Кэт не стала. Шла на три шага позади, чтоб они ее не заметили, но и не потерялись из виду. Таким образом они протопали три автобусных остановки (девочки, похоже, жили в режиме строжайшей экономии – точно как Кэт), перешли дорогу и, завернув в какой-то проулок, остановились у невзрачного здания, напоминающего заштатную библиотеку, закрытую из-за нехватки бюджетных средств и сданную в аренду. Возле дверей курил парняга в дешевом костюме, очень похожий на охранника. Девицы подошли к нему и, сказав пароль: «Нас ждет Александр Геннадьевич», были пропущены внутрь. Кэт последовала их примеру.

Александр Геннадьевич оказался совсем не таким, каким Кэт его представляла. Ей думалось, что порнопродюсеры выглядят подобно сутенерам – все из себя мачистые, нагловатые, набриллиантенные, с вульгарным шиком одетые. Но Александр Геннадьевич был не

из таких. Очень полный, неаккуратный, с прокуренными запорожскими усами и плохо подстриженными пегими волосами, из дебрей которых выглядывала сигарета, засунутая за ухо, он напоминал скорее школьного завхоза или заводского мастера. Но это только на первый взгляд. Стоило ему заговорить, как становилось ясно, в какой именно сфере он работает. «Со сколькими партнерами одновременно вам приходилось заниматься сексом?» – вот что спросил Александр Геннадьевич сразу после того, как велел всем раздеться (кроме двух девиц из метро и Кэт, было еще четыре девушки и два парня) и выстроиться перед ним. Выслушав смущенные и не всегда правдивые ответы, он пожевал свои прокуренные усы и задал второй вопрос: «Опыт съемок имеете? Хотя бы в домашней коллекции?». Все, кроме Кэт, утвердительно кивали.

– А ты, киса, что же – ни разочку? – тут же отреагировал на ее отрицательное мычание режиссер.

– Нет, – честно ответила Кэт и стала пятиться к двери, понимая, что «собеседование» для нее закончено.

– Стоять, – скомандовал он. Она послушно замерла. – Покрутись. – Кэт сделала полный оборот вокруг своей оси. – Тело отличное. Сиськи здоровые. Какой размер? Четвертый? – Она подтвердила. – Потрогай себя, – велел он. Кэт, стараясь ничем не выдать своей стыдливой растерянности, проделала то, что от нее хотели. Александр Геннадьевич остался ею доволен: – Молодец, киса, – похвалил он, но тут же погрозил пальцем: – Врешь, что нигде не снималась. Уж больно уверенно держишься. Обычно новички, едва оголившись, тушуются...

– Мне к обнаженке не привыкать, – пожала плечами Кэт. – Каждую неделю на сцену голой выходила...

– Актриса? – приподнял кустистую бровь Александр Геннадьевич.

Кэт утвердительно кивнула.

– Где училась?

– В N-ском театральном училище.

Он присвистнул – слышал, видно, о таком и знал, каков его престиж. Спасибо и на том, что не стал в расспросы вдаваться, только уточнил, на самом ли деле Кэт хочет у него работать, и, получив положительный ответ, щелкнул ее по лобку со словами «Можешь одеваться». То же самое он велел сделать еще троим, остальных же продолжил опрашивать на предмет разнообразия практикуемых ими видов любви. В результате тестирования отсеялись еще трое, включая девицу из метро и последнего представителя мужского пола. Оставшихся девушек Александр Геннадьевич заставил имитировать оргазм. Что они и сделали, огласив своими стонами похужее на читальный зал помещение. Режиссер остался ими доволен, хотя они явно переигрывали, и велел одеваться.

Когда девушки облачились в свои вещички, Александр Геннадьевич усадил их перед собой и торжественно сообщил, что они ему подходят. Это означало, что в следующий понедельник они должны явиться сюда же с паспортами и справкой из вендиспансера, красиво подбритыми лобками, разгоряченными лонами, разработанными анусами (для этого каждой из них выдали по паре фаллоимитаторов разных калибров) и желанием стать порнозвездами.

Услышав такое, Кэт приуныла, поскольку ничего кроме паспорта и справки предъявить режиссеру не могла. На интимную прическу у нее не было денег, лоно ее, отвыкшее от секса, было холодным, как айсберг, совать в себе латексную дубинку, чтобы разработать «рабочие» места, она страшилась, а уж о карьере порнопринцессы она тем более не мечтала. Да и следующий понедельник Кэт не очень подходил! Ей хотелось приступить к делу прямо завтра, чтобы сразу же получить гонорар и благополучно его потратить на новые башмаки (старые держались на честном слове и клее «Момент») и нехитрые продукты – раньше ей кое-что перепало из ресторанной кухни, но за неявку на рабочее место ее, наверняка, уже уволили, и до понедельника надо только чем-то питаться. Однако у Кэт хватило ума оставить свои думы при себе,

а режиссера заверить в своей готовности явиться в понедельник в полном ажуре. На том и распрощались.

* * *

До следующего понедельника Кэт кое-как дотянула.

Едва она переступила порог студии, как ее буквально скрутил Александр Геннадьевич и потащил в уголок с креслом, чем-то напоминавшем гинекологическое, возле которого крутилась вертлявая черненькая барышня в тонких медицинских перчатках. «Врач, – решила Кэт. – Гинеколог. Сейчас осмотр будет проводить...». Но она ошиблась – брюнетка оказалась гримершей. Затолкав Кэт на кресло и устроившись между ее ног, она стала замазывать раздражение после неумелого бритья и маскировать шрам от аппендицита. Пока она делала свое дело, Александр Геннадьевич торопливо объяснял Кэт, что прямо сейчас она должна будет выйти к камере и сыграть роль Госпожи.

– Кого? – переспросила Катя удивленно, поскольку на ум ей сразу пришла госпожа Бовари, но она сомневалась, что Александр Геннадьевич собирается снимать фильм о ней.

– У нас сейчас садо-мазо сцена, – он дернул плохо выбритым подбородком в сторону освещенной софитами площадки, посреди которой красовалась самая настоящая дыба. – Два артиста – раб и госпожа. С рабом все в порядке – паренек проникся, поскуливает, а девка, – режиссер зло ткнул костяшкой согнутого пальца в сконфуженную голую девицу, державшую в руках плетку и ворох кожаной одежды, – никак в образ войти не может. Не бьет, дура, а гладит... – Он жестом приказал горе-актрисе сложить барахлишко на диван, а самой убираться с глаз долой. – Был бы просто поточный фильм, я бы плюнул, а это заказуха, сечешь? – Кэт не очень-то секла, но предположила, что Александр Геннадьевич имеет в виду кино, снятое по специальному заказу какого-нибудь озабоченного богатея и на его же деньги. Она оказалась права: – И если заказчику не понравится, придется переснимать, а то и часть денег возвращать, кому это надо?

Кэт покивала, соглашаясь с тем, что *это* никому не надо, после чего отправилась одеваться. Режиссер кричал ей вслед:

– Лупи этого чмыря посильнее. Чтоб красные полосы оставались. В заказухе главное – натурализм, поняла? – Кэт вновь кивнула, а он добавил: – Полупишь его малость, потом сапоги заставь лизать...

Кэт брезгливо передернулась, но продолжала молча внимать. Когда же все инструкции были получены, а она одета, съемка началась.

В общем, первый день в роли порноактрисы был для Кэт довольно необременительным. Ей даже не пришлось заниматься сексом! Зато по окончании съемок заплатили пятьдесят баксов, и она ушла с киностудии с твердым убеждением, что это самые легкие деньги в ее жизни. Потом, так она думала, будет такая же халява...

Но Кэт ошиблась! Уже через неделю ее задействовали в съемках групповухи, и режиссера не волновало, что она никогда в жизни не занималась сексом сразу с тремя мужчинами. Ее мучили четыре часа, после чего вручили все тот же полтинник и велели приходить через пять дней.

Вывалившись за дверь «киностудии», Кэт твердо решила, что больше сюда не вернется. Но когда чувство омерзения притупилось, а полтинник был потрачен на поношенные «гриндерсы», Кэт уже не была столь категоричной. И как только миновало пять дней, она переступила порог «кукольного театра» Александра Геннадьевич, чтобы стать в нем одной из самых востребованных марионеток.

* * *

Прошел год. За это время Кэт снялась в дюжине картин и стала второй звездой студии после Дэнди – симпатичного бисексуала с таким огромным детородным органом, что только за его демонстрацию со сцен стрипбаров ему платили тысячу долларов. Еще он выступал в элитном пип-шоу, постоянно мелькал на телеэкране – в любую передачу о сексе его приглашали в качестве эксперта, и вел в мужском журнале рубрику «Хотите доставить женщине удовольствие – спросите меня, как». Короче, Дэнди был признанной порнозвездой. Его даже на улице узнавали. Да и не мудрено! Ведь Дэнди всегда был в «образе»: и когда в Останкино ехал, и когда отправлялся в булочную за «Бородинским». Штаны в обтяжку, рубашка расстегнута до пупа, в пупе сережка в виде фаллоса, на резинке трусов, неизменно выглядывающих из-за пояса, надпись «Секс-машина».

А вот Кэт в обычной жизни выглядела так, что никто не признавал в ней Кису Горячеву (под этим псевдонимом она снималась), чье имя было на устах у многих любителей отечественной порнушки. Отснявшись, она смывала яркий грим, снимала иссиня-черный парик, стаскивала эротичное белье, вынимала серьгу из соска, оттирала фальшивую татуировку на ягодице, после чего облачалась в джинсы, свитер, «гриндерсы» и выходила за порог студии невзрачной девушкой, мимо которой пройдешь – не заметишь! Кэт не желала уподобляться Дэнди и становиться частью порноиндустрии, ей просто нужно было чем-то зарабатывать на жизнь, а за съемки в фильмах категории «XXX» Кисе Горячевой платили отлично, ее ежемесячный доход был сравним с заработком менеджера высшего звена крупной корпорации.

У остальных актеров гонорары были гораздо скромнее, но для некоторых вопрос оплаты был не первостепенным, так как съемки в порно они совмещали с другой работой, а у Александра Геннадьевича просто «подкалымливали». Еще среди так называемых коллег Кати были особы, готовые сниматься бесплатно. Звали «альтруистов» Кики и Микки, они были мужем и женой, но на съемочной площадке предпочитали заниматься сексом не друг с другом, а с посторонними. В порно они подались ради новых ощущений. До этого Кики и Микки успели, как говорится, сполна вкушать плод наслаждения. Чего они только ни пробовали! И всевозможные игры с переодеваниями и приспособлениями из секс-шопа, и экстремальный секс в люльке воздушного шара, и садо-мазо, и вуйеристические эксперименты, и эксбицианистские сокоупления в разгар празднования Дня города... Короче, всем пресытились, и решили попробовать себя в порно!

Попробовали, понравилось, и с тех пор они соглашались на любые предложения. Правда, снимались они нечасто, ибо внешностью своей супруги могли не столько разжечь, сколько погасить желание. Кики была худой, ребристой, как батарея, теткой с прыщами на заду (гри-мерши, бедные, изводили на нее кучу тона), а Микки зубастым недомерком с такими огромными ушами, что казалось, взмахни он ими – сможет оторваться от земли. В фильмы их приглашали, как правило, в тех случаях, когда бюджет был ограничен, или при нехватке статистов для съемок в свальной групповухе, где не видно ни рож, ни прыщей.

Кэт относилась к Кики и Микки со смешанным чувством зависти и брезгливости. Эти похотливые ничтожества вызывали у нее легкую тошноту, как, например, слизняки! Но одновременно и зависть, потому что Кэт, при всей своей приобретенной циничности, никак не могла относиться к «траху» перед камерой, как к приятному времяпрепровождению. Правда, и отвращения к нему испытывать перестала. А вот к деньгам, которые ей за это платили, привыкла. Гонораров ей хватало на безбедную жизнь: Кэт снимала отличную квартиру, прекрасно питалась, покупала одежду, ездила отдыхать... И постепенно приходила в себя!

За год Кэт из измученной депрессией мизантропки превратилась в нормального человека. Она вновь стала улыбаться людям, говорить с ними без раздражения, радоваться мело-

чам: солнечному дню, запаху свежей листвы, шуршанию песка под ногами... Но главное: она вновь почувствовала себя АКТРИСОЙ – ощутила желание играть, и уверенность в том, что теперь у нее это получится. Кэт это несказанно радовало, а вот Александра Геннадьевича не очень:

– Киса, рожу попроще сделай! – то и дело орал он во время съемки очередного эпизода. – Мы тут не психологическую драму снимаем, а порнуху! Похоти побольше! И губы, дура, не кусай, а облизывай... – Потом он поворачивался к ассистенту и жаловался ему: – Ох уж эти мне актрисули профессиональные! Вместо того чтоб ноги пошире раздвинуть, начинают тут трагедию личности играть...

Кэт сама понимала, что не давать выход своей творческой энергии и дальше неправильно, но все никак не могла набраться решимости для первого взмаха крыльями. Нужен был толчок. И вот однажды...

Было утро. По телевизору шла передача о кино. Рассказывали о хитовых кинопремьерах последнего месяца. Среди них фигурировал отечественный фильм с банальным названием «Мой ангел». Едва на экране замелькали кадры рекламного клипа, как сердце Кэт судорожно сжалось, а шрамы на запястьях начали невероятно чесаться. Это был фильм Славы! Тот самый, из-за которого он отказался от нее (а вернее сказать – предал!). Вышел, значит!

Клип закончился. На экране появился ведущий и представил гостей студии: режиссера фильма «Мой ангел» Бэllu Конову и исполнителя главной роли Ярослава Ракова. Первой слово взяла режиссерша, и пока она вещала о проблемах с финансированием, затормозивших на целых полгода выход «Моего ангела» на экран, Кэт не отрывала глаз от Славы и не узнавала его, хотя за эти полтора года внешне он практически не изменился, разве что прическу сменил. Был вихрастым, стал аккуратно подстриженным, а в остальном – прежний Ярослав: нежный юноша с огромными лучистыми глазами и влажным ртом. Эльфё околдовавший и режиссершу, и ведущего, и оператора – тот не отрывал объектива камеры от его безупречного лица, и только на Кэт чары Славы не действовали... Уже не действовали! Она видела в уголках его красивого рта слабоволие, в крыльях тонкого носа – жестокость, в сияющих глазах – гордыню, в улыбке – фальшь...

Ненависть, когда-то вернувшая Кэт к жизни, стала вновь в ней разгораться. Когда же Ярослав заговорил, она полыхнула так, будто Катина душа – канистра с бензином, а его слова – спички. Слава рассказывал ведущему, как долог и тернист был его путь к славе. В красках он живописал трудности, с которыми столкнулся, переехав в столицу. Оказывается, Ярослав голодал, ночевал на вокзалах, ночами разгружал вагоны. Он был один в большом враждебном городе. Ему некому было помочь, некому его поддержать, но он выдержал, не сломался, не отступил, как некоторые. «А то была у меня подружка, – бросил он со смешком. – Тоже из N-ска в Москву приехала за славой. Талантливая девчонка, но... не боец! Не получилось раз, два, сдалась... А я не сдался! Поэтому мое имя на афишах, а где она сейчас, я даже не знаю...»

– Подружка, значит, – прошептала Кэт с такой ледяной яростью, будто хотела этими словами остудить бушевавший в душе пожар. – Подружка, которая сломалась...

Ярослав улыбнулся с экрана и помахал на прощанье рукой. Кэт повторила его жест. И тоже улыбнулась, вернее, оскалилась хищно, и потом сквозь зубы процедила:

– Ну, ничего, скоро ты обо мне узнаешь!

* * *

В тот же день Кэт явилась к Эльзе в агентство и с порога заявила:

– Я хочу стать звездой! Поможешь?

Эльза, невозмутимо пыхнув сигаретой, спросила:

– На что ты готова ради этого пойти?

– На все, – без промедления ответила Кэт.

– Тогда помогу, – заверила ее Эльза. – И начну прямо сейчас. – Она остро глянула на Кэт сквозь пелену дыма и деловито заговорила: – Режиссер Шанский ищет артистку на главную роль в своем новом фильме. Предупреждаю сразу, с ним придется переспать, но это не даст никакой гарантии, поскольку он тащит в постель всех соискательниц, а выберет, естественно, лишь одну. Сегодня одна из моих подопечных должна была с ним встретиться, но передумала. Как раз из-за этого. Если ты не погорячилась, заявляя мне, что готова на все, можешь сходить на «кастинг» вместо нее – я пока ничего не отменяла...

– Я готова на все, – эхом повторила Кэт.

– Тогда сегодня в семь в ресторане «Сулико». Оденься поскромнее. Краситься советую умеренно. Веди себя пайнкой. А лучше – строй из себя целку. Когда дойдет до секса, делай вид, что такого огромного агрегата в жизни не видела. Можешь даже обморок изобразить, – напутствовала она Кэт. – А потом болевой шок!

– Ладно.

– И не забудь сказать напоследок, что впервые испытала оргазм именно с ним.

– Боже мой! – простонала Кэт. – Старикану семьдесят, а он еще ведется на эти штучки...

– Как раз в семьдесят на эти штучки и ведутся, – мудро заметила Эльза и отправила Кэт домой, готовиться к «кастингу».

Ровно в семь часов вечера Кэт вошла в полутемный зал ресторана «Сулико». На ней было маленькое черное платье, элегантные босоножки, на шее нитка жемчуга. Волосы она убрала назад, макияж наложила такой умеренный, что казалось, будто его нет вовсе.

Федор Петрович Шанский (сам себя он велел называть Федюней) ждал ее за столиком. Обрюзгший, пропитой, плешивый, но одетый с иголки и при дорогушей трубке, он сидел на диванчике и пил вино. Вошедшую в зал Кэт оценивающе осмотрел с головы до ног, остановился взглядом на обтянутой черным трикотажем груди, усмехнулся плотоядно и только после этого поднялся, чтобы помочь ей сесть.

Во время ужина Федюня норовил залезть Кэт под юбку, но она, памятуя о наставлениях Эльзы, строила из себя «целку», то есть натягивала подол на колени и смущенно опускала очи долу. А так как именно такое поведение распалило престарелого кинодеятеля, то десерта они не дождались – поехали к режиссеру домой, чтобы вместе «почитать сценарий». По дороге Шанский слюняво целовал Кэт в шею и шарил потными пальцами по ее бедрам. Когда же добрались до квартиры, повалил ее на пол холла и отымел так быстро, что она не успела ничего изобразить: ни испуга, ни болевого шока, разве только выдала заранее заготовленную фразу:

– С вами я впервые испытала оргазм!

Услышав ее, Федюня расхохотался так оглушительно, что Кэт вздрогнула.

– Артистка ты действительно неплохая, не врала Эльза! – сказал он, отсмеявшись.

– Да? – растерянно протянула Кэт, не совсем понимая, к чему он это сказал.

– Только дура! – Федюня бесцеремонно сорвал с нее платье, лифчик и, схватив пальцами за сосок, гоготнул: – Или ты думала, я тебя без твоей боевой раскраски, парика и пирсинга не узнаю... А, Киса?

Кэт скривилась от боли и попыталась оттолкнуть его от себя, но Шанский, с силой вжав ее в пол, сурово сказал:

– Лежать!

Тут входная дверь, оказавшаяся незапертой, открылась, и в квартиру вошел мужчина средних лет, худой, сутулый, горбоносый, с крупным родимым пятном на шее. Кэт узнала его, это был известный продюсер Конев. При виде его Шанский заулыбался и сделал приглашающий жест. Кэт сначала подумала, что он просто хочет, чтобы тот прошел в комнату, а не стоял в холле, но оказалось, Федюня имел в виду другое:

– Присоединяйся, Коля, – бросил он Коневу, схватив Кэт за «хвост» на затылке, перевернув на живот, затем поставив на колени.

– Немедленно отпустите меня! – вскричала она и попробовала освободиться, но Шанский вцепился в ее волосы мертвой хваткой. Потом она услышала над ухом вкрадчивый голос Конева:

– Хочешь у Федюни сниматься? В главной роли?

– Хочет, хочет, – ответил за нее Шанский.

– Так чего тогда ломается? – притворно возмутился Конев, расстегивая ширинку. – Как будто в первый раз...

«Действительно», – подумала Кэт обреченно и перестала вырываться.

Оргия длилась всю ночь. Сил у мужчин благодаря «Виагре» хватило, задора тоже – за это спасибо кокаину, поглощаемому ими в диких количествах. Все происходящее было заснято Шанским на видео. Оказалось, он любил снимать не только для публики, но и для себя. Под утро, когда мужчины наконец насытились и отвалились, как пиявки, от измученной Кэт, Федюня выключил камеру и со смешком шепнул Коневу:

– Вот она и сыграла у меня главную роль!

Это было произнесено очень тихо, но Кэт все же расслышала. И поняла, что ее сегодняшняя жертва была напрасной – никто не собирался давать ей роль, ею просто воспользовались! В бешенстве Кэт развернулась к Шанскому, чтобы хоть в лицо ему плюнуть, но тут заметила, что он клюет носом и вот-вот уснет так же, как и его сотоварищ по сексуальным играм, и у нее возникла идея, как можно все исправить...

– Топай домой, – сквозь сон бросил Кэт Шанский. – Когда ты мне понадобишься для проб, я свяжусь с Эльзой...

Буквально через минуту они захрапели. Кэт тут же подошла к установленной на треноге камере, открыла крышку дискового и вынула «болванку» с записью их оргии. Сунув ее в сумочку, она покинула квартиру.

* * *

Утро следующего дня началось со звонка Эльзы:

– Ты не поверишь! – выпалила она, едва Кэт взяла трубку. – Шанский хочет тебя видеть! Собирайся поскорее и шевели помидорами в направлении его офиса – Федюня ждет тебя прямо сейчас...

И Кэт поехала.

Ждал ее Шанский не один, а в компании Конева.

– Диск у тебя? – хмуро спросил Федюня, едва Кэт вошла.

– Да, – коротко ответила она. – Желаете получить его назад?

– Сколько?

– Двадцать пять тысяч долларов.

– А не кучеряво будет? – брызнул слюной Федюня.

– Не горячись, – остудил его пыл Конев. – Сумма приемлемая.

– Только это не все, – улыбнулась Кэт одними губами. – Еще мне нужна роль.

– Какая еще...?

– Главная.

– Да ты, я смотрю, совсем оборзела!

– Да, Киса, это уже перебор, – разделил мнение друга Конев. – Бабки получишь без базара, а роль не для тебя.

– Она как раз для меня. Я читала сценарий, справлюсь.

– Допускаю, что ты отличная актриса. Но, детка, кроме этого ты еще порнушная звездюлька. Федюня не может взять на роль в семейной мелодраме общаковую вагину... – Он уничтожительно хмыкнул. – Или ты думаешь, что грим сделает тебя неузнаваемой? Так вот, ты ошибаешься. Профессионал сразу тебя узнает. По мимике, жестам, голосу. Да и рожа твоя, как ее не мажь, останется именно твоей рожей...

– Для этого мне и нужны деньги. Я сделаю пластику. Мимика сразу изменится. Голос тоже можно изменить и приучить себя к новым жестам...

– Роль ты не получишь, – отрезал Конев.

– Тогда вы не получите диск. А за несколько дней до премьеры вашего фильма (семейной мелодрамы, хочу напомнить) в Интернете появится не менее интересный фильм, снятый, между прочим, также вами, господин Шанский. В нем нанюхавшиеся коки режиссер-классик и солидный кинопродюсер будут трахать не только порнушную звездюльку, но и друг друга. Отличная реклама для вашего совместного творения, не правда ли?

– Пятьдесят тысяч, – процедил Конев.

– Условия не обсуждаются.

– С огнем играешь, – угрожающе протянул он.

– Готова рискнуть, – спокойно парировала Кэт. – Но знайте, если со мной что-нибудь случится, запись все равно попадет в Интернет.

Шанский грязно выругался. Конев обратил к нему свое нахмуренное лицо и сказал устало:

– Да сними ты ее, Федь! Вишь, как девка работать с тобой хочет. У тебя все равно никого на главную роль нет...

Федюня тяжело глянул на Кэт и хрипло спросил:

– А где гарантии, что ты не воспользуешься диском потом?

– Потом мне будет что терять так же, как и вам, – ответила Кэт. – Я уничтожу его (и все копии) в день премьеры. Обещаю!

– Ладно, черт с тобой, – выдохнул Шанский. – Считай, что ты утверждена! К съемкам должна будешь приступить не позднее, чем через полтора месяца. Не успеешь восстановиться после пластики – твои проблемы. – Он внимательно посмотрел ей в лицо. Впервые в его взгляде читалась профессиональная заинтересованность. – Рот помягче сделай, пополни. Убери носогубные складки, они тебя старят. Еще тебе не мешает немного похудеть. А волосы перекрасить в рыжий цвет... – Шанский распахнул верхний ящик стола, достал из него коробочку с кокаином и без стеснения втянул в ноздрю небольшую порцию порошка. Приняв дозу, он прикрыл глаза и умиротворенно молвил: – Деньги получишь завтра. Но учти, на большой гонорар за работу можешь не рассчитывать, так что не шикуй. А сейчас катись отсюда, Киса!

И Киса укатила!

На следующий день она, как было обещано, получила двадцать пять тысяч долларов. Малую их часть Катя потратила на банкет для своих уже бывших коллег – устроила «отходную» прямо на съемочной площадке их порностудии. Для всех Киса Горячева уезжала в Германию, чтобы стать там добропорядочной бюргершей: Кэт наврала, что в женихах у нее давно ходил один преуспевающий немец, который теперь позвал ее замуж, и ей поверили.

Спустя неделю она легла в клинику эстетической хирургии. А через полтора месяца приступила к съемкам в фильме, который сделал ее знаменитой.

Часть 2

Глава 1

Ноги болели невероятно. Каждый шаг отдавался такой мучительной болью во всем теле, что Игорь уже не мог сдерживать страдальческую гримасу. Он морщился и кусал губы, поднимаясь по высокому крыльцу дома своего лучшего друга Димона.

– Да что ж ты себя так насилуешь-то постоянно! – сквозь пелену боли услышал Игорь возмущенный голос друга. – У тебя же есть отличное кресло с дистанционным пультом, мог бы иногда им пользоваться!

– Я не инвалид, – рыкнул Игорь. Рычал он не от злости, а от боли, и Димон, зная это, сбежал по ступенькам, подхватил его под руку, чтобы помочь подняться. Игорь помощь принял, но не без ворчания: – Ты долго еще со мной нянчиться собираешься? Надоел мне уже своей опекой...

– Вот когда опять начнешь меня в теннис обыгрывать, тогда и перестану.

Игорь фыркнул. И он, и Димон знали – в теннис он уже никогда не сыграет. Но Димон упрямо делал вид, что верит в чудо исцеления, а Игорь делал вид, что верит ему.

Серов с Боярским (такая была фамилия Димона) познакомились больше двадцати лет назад, когда учились в институте. Сначала просто общались, потом подружились, хотя по характеру были абсолютно разными людьми. Игорь – немногословный, сдержанный, серьезный. Блестящий студент, успевающий и учиться на «отлично», и играть в волейбол за институтскую сборную. Димон – шалопай, болтун, выпивоха и весельчак. Учился еле-еле, экзамены пересдавал по пять раз. Но при этом ходил в любимчиках у всех преподавателей женского пола. А также у всех сокурсниц! И даже у злобных общежитских «вахрушек»! Димон был чертовски обаятелен, но совсем некрасив. У него была внешность деревенского простачка: светлые вихры, румяные щеки, нос картошкой и круглые голубые глаза с длинными белесыми ресницами. К тому же Димон был полноват, рыхловат и невелик ростом. Но это совсем не мешало ему очаровывать дам! Женщины попадали под обаяние Димона с первых мгновений, и потом уже не замечали ни его явных внешних недостатков, ни небрежно скрывааемых внутренних.

А вот Игорь, в отличие от друга, успехом у слабой половины человечества не пользовался. И это притом, что был вполне симпатичен (тогда его лицо еще не было обезображено), эрудирован, воспитан, спортивен, не пил, не курил и, что немаловажно, был коренным москвичом. Последнее обстоятельство несколько раз привлекало к нему внимание разбитных провинциалочек, но Игорь был слишком умен, чтобы повестись на их ложь, и слишком порядочен, чтобы воспользоваться ситуацией. Из-за этого за Игорем закрепился имидж неприступного сноба, что, естественно, не пошло на пользу его личной жизни. Посему Серов за все пять институтских лет не закрутил ни одного романа, тогда как Димон не успевал запоминать имена своих подружек, и, чтобы не попасть впросак, называл всех «лапулями». На одной из «лапуль», дочке преподававшего в вузе профессора, он женился незадолго до окончания института. Брак оказался очень удачным – благодаря тестю Димон получил работу, о которой даже Игорь, с его красным дипломом, мог только мечтать (профессор пристроил его в НИИ, где директорствовал, на должность заместителя главного инженера), жилье и машину. Правда, всего этого Димон в скором времени лишился. А все из-за того, что имел неосторожность закрутить роман с коллегой. О романе этом прознал тесть, после чего перекрыл зятю кислород: перестал оплачивать аренду квартиры, отобрал машину и понизил Димона до простого инженера. Лишившись всех прелестей жизни, сопутствующих браку с профессорской дочкой, Боярский к жене

быстро охладел и ушел от нее к другой женщине. Тесть тут же «разжаловал» его в лаборанты, вынудив Димона уволиться.

Дальше судьба Игорева друга складывалась не самым лучшим образом. Он метался от одной женщины к другой, работал то тут, то там, но полноценной семьи так и не завел, и карьеры не сделал. Когда грянула перестройка, НИИ, где Димон «просиживал штаны», закрыли. Боярский, как и многие, остался не у дел. Пришлось податься в «челноки» – мотаться в Турцию за шмотками, которыми тогдашняя его гражданская жена торговала на Черкизовском рынке. Однако бизнес не пошел – Димон возил совсем не то, что пользовалось спросом у потребителя, это привело супругов сначала к финансовому краху, затем к разрыву.

Не впасть в отчаяние в этот сложный период Димону помог Игорь, который в отличие от него и многих ему подобных быстро освоился в новых экономических условиях. На опытном заводе при своем дышащем на ладан исследовательском институте он стал изготавливать стиральные порошки и шампуни. Со временем он смог расширить свое предприятие, выкупить и завод, и НИИ, и поставить производство бытовой химии на широкую ногу. Но несмотря на явные успехи в бизнесе, Игорь не был до конца доволен результатами своей работы. Он знал, что чересчур осторожен, прагматичен и начисто лишен того здорового авантюризма, который присущ настоящим победителям. Иной раз нужно было рискнуть всем, а Игорь опасался! Короче, ему не хватало «куража», чтобы выйти на новый уровень. Серов ощутил потребность в помощнике, в котором все бы это было: и авантюризм, и кураж, и рискованная смелость. Тогда он вспомнил о Димоне. Боярский подходил ему, как никто. Во-первых, в нем были все эти качества, во-вторых, Игорь доверял ему, как себе самому. Так Боярский с Серовым начали работать в паре, дополняя друг друга столь удачно, что вскоре их фирма стала крупнейшей в России.

С тех пор прошло больше десятка лет. Серов с Боярским вывели свое детище (теперь оно именовалось концерном «Радуга») на мировой уровень. Они так хорошо сработались и так тесно сдружились, что научились понимать друг друга с полуслова и стали больше чем родственниками. Когда с Игорем случилось несчастье, именно Димон выхаживал его в больнице. Он заменил ему и отца, и мать, и жену, и сиделку. А вот отдыхали они порознь. Димон, вне работы остающийся все тем же шалопаем, любил покурлесить: поиграть в казино, оторваться в ночном клубе, оттянуться в сауне с девочками. Игорь же предпочитал уютные ресторанчики с хорошей кухней, залы консерватории, музеи, а отпуск проводил на каких-нибудь экзотических островах, подальше от суеты, шума, тусовки. Боярский же не признавал курортов, где жизнь не бурлила, а текла размеренно. Его любимыми местами отдыха были Рио-де-Жанейро, Мальорка и Канни. Как раз из Канн Димон и вернулся не далее как вчера. С Игорем он не виделся три недели, столько же не общался (на время отпуска Боярский отключал телефон, чтобы ничто не мешало ему наслаждаться отдыхом), поэтому делами друга он начал интересоваться прямо с порога:

– Что сказал врач, к которому ты летал? – спросил Димон, введя друга в дом и усадив его в кресло.

– Советует стволые клетки колоть, – ответил Игорь, с огромным облегчением откидываясь на спинку и вытянув ноги. – Пока больше ничего сделать нельзя...

– Я тебе говорил, соглашайся на ампутацию, с протезами тебе было бы намного легче...

– Ну, забубнил, дедушка, – закатил глаза Игорь.

– Ладно, молчу! – Димон закрыл перекрещенными пальцами рот. Но поскольку молчать дольше секунды он не мог, то тут же нарушил слово и затараторил: – Ляжешь не в Голубой спальне, а в Зеленой. В Голубой сейчас ремонт. Знаешь почему? Моя последняя лапуля, та, которой девятнадцать, все стены исписала бранными словами. Когда узнала, что я без нее в Канни лечу, взяла баллончик с краской и давай мне гадить...

– Дим, меня сегодня убить хотели!

Димон замер с открытым ртом и простоял так, похожий на какого-нибудь налима, секунд десять. Потом рот захлопнул, выдохнул шумно и шепотом спросил:

– Опять?

– Ты же знаешь, бог троицу любит.

– Расскажи.

Игорь быстро ввел друга в курс дела. Прослушав его монолог, Димон покачал головой:

– И с чего ты решил, что хотели убить не Антона, а тебя?

– Со спины мы очень похожи. Волосы, шея, плечи.

– И только-то?

– Дим, он находился в *моей* постели, ждал *мою* женщину...

– Твою женщину? – хохотнул Димон. – Это ты о той девице, которая на первое свидание явилась голой?

– Она пришла одетой, – поправил его Игорь. – А разделась...

– Как только увидела в кровати роскошного самца!

– Мужчину своей мечты, а не самца.

– Я думал, что раз она *твоя* женщина, то мужчина *ее* мечты именно ты!

– Я ж тебе уже объяснил, – досадливо покачал головой Игорь. – Она приняла его за меня, неужели не ясно?

– Все мне ясно, – сердито буркнул Димон. – А вот ты никак не уяснишь, что эта баба... –

Глаза Серова предупреждающе сузились, но Боярский, отмахнувшись от него, продолжал резать правду-матку: – Если хочешь, я назову ее *твоей* женщиной! Да только от этого ничего не изменится. Она дешевка, Гоша!

– Ты ошибаешься, – сухо сказал Игорь.

– Ну, конечно! – возмущенно засопел Димон. – Я ж в бабах не разбираюсь...

– В бабах ты, может, и разбираешься, а вот в женщинах...

– Твоя распрекрасная Кэт всего в жизни добилась через постель. Она...

– Все, Димон! – оборвал его Игорь. Тон его стал ледяным, а лицо суровым, как никогда. –

Если не хочешь со мной поругаться, то...

– Ладно, замаяли, – насупился Боярский. – Тем более что мы отвлеклись от темы.

– Да. Мы говорили о том, что кто-то вздумал меня убить! И я должен узнать, кто именно, потому что умирать пока не собираюсь (не затем я дважды возвращался с того света), а убийца наверняка решит довести дело до конца. – Игорь задумчиво посмотрел на друга. – Как думаешь, кому я на этот раз помешал?

– Перестань, – отмахнулся Димон, похоже, он никак не хотел верить в то, что Антон погиб по ошибке. – Мешаешь ты только конкурентам, но ни один из них не осмелится тебя заказать: к тебе ж не подберешься – телохранителей куча, а в начальниках службы безопасности – подполковник КГБ!

– Здесь «заказом» и не пахнет, Дима, – покачал головой Игорь. – И конкуренты, естественно, тут ни при чем. Убийство непрофессиональное, это очевидно. И не думаю, что хорошо спланированное. Скорее, спонтанное...

– Тогда совершить его могла только твоя... хм... женщина!

– Нет, Дима, его мог совершить любой входящий в мой дом человек. Он, я думаю, зачем-то приехал ко мне и, заметив, что ворота открыты, а охранника нет, вошел в дом, поднялся на лифте в спальню, увидел «меня» в кровати и...

– И...?

– Повинуясь вспыхнувшему желанию меня убить (из ненависти или жадности обогащения), схватил подсвечник с тумбочки и шарахнул «меня» им по голове. Сразу после этого человек услышал шаги Кэт и шмыгнул в лифт. Спустившись вниз, он покинул дом, после чего запер дверь, затем нажал тревожную кнопку на пульте охраны.

– Му-ху, – поджав губы, хмыкнул Димон. – А ты не подумал, что в этом случае и твоя Кэт, и водитель лимузина заметили бы у ворот припаркованную машину. Насколько я понимаю, у ворот машины не было. Как и за ними!

– Потому что она стояла не у главных ворот, а у боковых, их архитектор красиво именовал «западными». Именно через них ты, как и многие другие, попадаешь на территорию. Вспомни, Дима, что ты делаешь, когда приезжаешь ко мне в гости? Ты подкатываешь к западным воротам, потому что по пути следования первые, выходишь из машины, нажимаешь кнопку, связываешься с охраной, сидящей в будке у главных ворот, она открывает тебе створки, ты въезжаешь. Теперь представь, что ты вышел из своей тачки, нажал кнопку, а тебя не впускают... Твои действия?

– Сажусь в машину и еду к главным воротам, чтоб по шеям твоим охранникам надавать!

– Нет, ты *идешь* туда, потому что это легче сделать: машину придется разворачивать, а там мало места для маневра, дойти же – двадцатисекундное дело.

На этот раз Димон не нашел что возразить, помолчал немного, переваривая услышанное, затем поинтересовался:

– Ты ментов со своей теорией ознакомил?

– Нет. Но следы шин у западных ворот поискать рекомендовал.

– Да какие там следы! – отмахнулся Димон. – Там же брусчатка положена! – Тут его розовошекая физиономия вспыхнула просто-таки маковым цветом, и Боярский воскликнул: – Слушай, так из всего этого получается, что замочить тебя хотел кто-то из своих!

– Ну, а я тебе о чем толкую?

– Но кто? – ошарашенно протянул Димон. – Ни у кого из твоих друзей нет объективных причин желать тебе смерти! – Он нахмурил белесые брови. – Помнишь поговорку «Ищи, кому выгодно»? Так вот никому, кроме меня, твоя смерть не принесет никакой выгоды, а я... Поверь мне, Гоша, никогда бы...

– Димон, – с упреком проговорил Игорь. – Речь не о тебе, понятно... – Он хлопнул друга по плечу, чтоб тот перестал тарашить на него обиженные глаза. – Я имел в виду свою бывшую.

– Лика?

– Именно Лика.

– А ей-то какая выгода?..

– Дело в том, Димон, что я с ней пока не разведен, и в случае моей смерти по условиям нашего брачного контракта ей достанется все, за исключением фирмы, а это, как ты понимаешь, немало...

– Не верю своим ушам, – ошарашенно протянул Боярский. – Вы все еще муж и жена? Но какого черта? У вас же суд был две недели назад?

– Лика не дала мне развода. Видел бы ты, какой она устроила спектакль в зале суда. Как рыдала и заламывала руки, моля судью дать нам с ней еще один шанс... – Игорь передернулся, вспомнив безобразную, хотя и отлично разыгранную сцену. – В итоге она своего добилась. Нас не развели. Дали три месяца «на раздумья». То есть второе заседание состоится через несколько недель, и, как я подозреваю, без проблем опять не обойдется, поэтому вместо себя на суд я намерен отправить своего адвоката. Тем более в этот раз Лика будет драться из-за денег...

– А как же брачный контракт?

– В нашей стране он не имеет такой силы как, скажем, в Америке. Хотя если я умру, именно благодаря брачному контракту Лика станет богатой вдовой.

– Думаешь, это она... тебя?

– Я это допускаю. Лика способна на многое ради денег. К тому же она меня люто ненавидит, и это вторая причина, по которой она могла решиться на убийство. Короче, Лика – самый

подходящий кандидат на роль убийцы, только есть одно обстоятельство, заставляющее меня сомневаться в ее неоспоримой вине...

– Какое?

– Насколько мне известно (слышал от нашего общего знакомого), неделю назад Лика укатила со своим любовником в Канны, и обычно меньше десяти дней она не отдыхает...

Тут Игорь заметил, как напряглось лицо друга, и замолчал. Димон даже не сразу понял, что Серов перестал говорить, так был чем-то озабочен, но когда до него дошло, что Игорь вот уже минуту не произносит ни слова, а смотрит на него испытующе, сдавленно проговорил:

– Ни в каких Лика не в Каннах, она в Москве. Мы летели с ней из Франции одним рейсом...

– Что же заставило ее прервать отпуск?

– Я с ней не разговаривал (кажется, она даже не видела меня), но как я понял из услышанного краем уха разговора Лики с любовником – твоя бывшая жена получила работу на телевидении. В каком-то сериале исполнительница роли главной злодейки неожиданно загремела в больницу – всерьез и надолго. Потребовалась срочная замена. Из десятка актрис-стерв выбрали суперстерву Анжелику Ланскую и посулили ей какой-то немислимый гонорар в случае, если она согласится сниматься. Та, поломавшись, согласилась! Денежки-то она любит...

– Что за сериал, не знаешь?

– Она озвучила название, да я забыл... – Димон схватился за пуговицу на рубашке и стал ее усиленно крутить. Он, когда думал, постоянно теребил что-нибудь пальцами. Зная об этой его привычке, Игорь даже на какой-то праздник другу индийские четки подарил, и тот с ними не расставался. Только сегодня их почему-то при нем не было, вот и пошли в ход «подручные средства». – Черт, как же звучит-то оно, название это? Избитое что-то... Про любовь.

– Не «Любовь по бартеру»?

– О! Точно! Именно так он и называется... – Димон оставил в покое пуговицу и вскинул на друга удивленные глаза. – Ты-то откуда знаешь об этом сериале? Вроде «мыльными операми» никогда не интересовался...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.